
Мария
Дюк
Ошейник
для принцессы.
В плену врага
18+

Мария Дюк

Ошейник для принцессы

«Автор»
2026

Дюк М.

Ошейник для принцессы / М. Дюк — «Автор», 2026

Меня похитили, чтобы принести в жертву. Ошейник глушит магию, подчиняет тело воле хозяина. Дейрон Хейген - Дикий зверь великого ярла, легенда и враг моего народа. Моя свобода стоит ровно столько, сколько длится его терпение.Вот только я не изнеженная девица. Я обману, убегу, убью, чтобы вернуться домой! Но шепот этого монстра в моих мыслях становится все громче: "Однажды ты попросишь сама".От автора:Полная версия первой книги с дополнительными главами и расширенными сценамиВас ждёт:- похищение героини- темная магия- вынужденная близость

© Дюк М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Амелия 5
Глава 2. Амелия 8
Глава 3. Амелия 10
Глава 4. Дейрон 13
Глава 5. Амелия 16
Глава 6. Дейрон 18
Глава 7. Амелия 21
Глава 8. Дейрон 24
Глава 9. Амелия 27
Глава 10. Дейрон 30
Глава 11. Амелия 33
Глава 12. Амелия 35
Глава 13. Дейрон 39
Глава 14. Амелия 43
Г 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Мария Дюк
Ошейник для принцессы

Глава 1. Амелия

— Вот и она, ваше благородие. Принцесса Форлэнда Амелия.

Меня толкают между лопаток, заставляют преклонить колени. На глазах повязка, руки скованы за спиной цепью. Я дёргаюсь, пытаюсь освободиться, но вокруг шеи будто затягивается удавка. Я чуть не лишаюсь сознания и обмякаю на полу. Грубый камень царапает колени через тонкую ткань прозрачного платья.

С глаз сдёргивают повязку, и я морщусь от тёплого света лампы. Гостиная вырублена в скале, стены украшены шелковыми коврами, на полу полукругом разложены подушки. Развалившиеся на них мужчины сопровождают моё появление одобрительными смешками. Лишь один смотрит на меня с равнодушием, граничащим с бездушностью.

Он сидит, скрестив ноги по-соларски, и всё равно смотрит сверху вниз. Чёрные глаза и такие же чёрные волосы, резкие скулы, золотистая от загара кожа. Ему не больше двадцати пяти. Красиво изогнутые губы сейчас сжаты в тонкую линию, на лице ходят желваки. Дейрон Хейген, Дикий зверь великого ярла Теодора, правителя Виндхейма.

Он и его спутники одеты по-дорожному: кожаные куртки со стальными пластинами, плотные шерстяные брюки, сапоги покрыты свежей грязью. Я же закутана от шеи до пят в десятки метров воздушной и совершенно прозрачной ткани. Моё обнажённое тело под ней не прикрыть, даже будь свободны руки. Мужчины обсуждают меня, как кусок мяса, как предмет без души и чувств, а я сгораю от унижения.

Нет, я принцесса Форлэнда, я будущая королева! Я не позволю увидеть мою слабость. Будь мне доступна магия, эти скалы уже давно превратились бы в могилу, а Дейрона я бы сковала так, чтобы он едва бы мог дышать. Увы, на моей шее красуется металлический ошейник, больше похожий на изящный чокер. Эта рабская метка намертво блокирует доступ к магии.

Расправив плечи, выпрямляюсь. Пусть я на коленях, пусть меня замотали в вульгарную тряпку, пусть магия мне не доступна, я всё равно наследница трона.

Дейрон единственный, кто молчит. Он рассматривает меня так пристально, что от его взгляда в сто крат неуютнее, чем от похабных шуток его свиты.

— Как её захватили? — спрашивает он. Все тут же замолкают, а у меня от его глубокого голоса по рукам бегут мурашки. — Свидетели остались?

— Нет, ваше благородие, — услужливо кланяясь, отвечает работорговец. — Корабль сожжён, команда обращена в некрорабов, а фрейлины и охрана заточены в клетки. Если вам угодно, я прикажу привести…

— Убить всех.

От скучающего тона, которым Дейрон произносит эти два коротких слова, у меня сжимается горло. Эти люди были присланы либрийским королём сопровождать меня в пути, я несла за них ответственность. Нечего и думать, что ярл пощадит их.

Засаду организовали профессионально. Наш корабль перехватили в центре бухты, где магия Скал тянется едва заметными ниточками. Кроме того полночь — идеальное время для соларских магов. Заранее заряженные бомбы с Пламенем подожгли палубу, посеяли суматоху, а потом некроманты легко обернули наших павших товарищей против нас. Меня утащил с тонущего корабля капитан — вернее, его оболочка. Измотанная призывом Скал, я всё равно сопротивлялась, пока не получила обломком мачты по голове. Очнулась уже с проклятым ошейником, и с тех пор ни крупицы магии не отозвалась, несмотря на все попытки.

С той ночи я не видела никого, кроме живых мертвецов, доставивших меня в Соларскую империю. Я даже не знала, что мои люди ещё живы. И вот теперь их ждёт смерть.

— Как будет угодно вашему благородию, — лебезит работорговец.

Боги, как я их ненавижу. Соларцев, построивших свою империю на золоте и крови. Виндхеймцев, этих дикарей, лезущих на мои земли, убивающих моих людей. И больше всего ненавижу Дейрона Хейгена. Его отряд всегда наносил нашей армии самые болезненные раны, и даже загнанный в угол, он каждый раз умудрялся выпутаться из расставленных ловушек.

— Мы приготовили вам подарок. — Работорговец так и лучится гордостью. — Сотня наших лучших некрорабов ждёт ваше благородие снаружи. Используйте их, как заблагорассудится…

— Не стоит. — Губы Дейрона кривятся в нескрываемом отвращении. — Великий ярл заплатил только за похищение принцессы, большего нам не нужно.

Меня аж трясёт от такого благородства. Надеюсь, соларец оскорбится, и они перережут друг друга, оставив меня в покое. Но это лишь мечты. Работорговец с преувеличенной грустью качает головой — и в следующую секунду предлагает присоединиться к торжественному ужину.

Едва я слышу это, план формируется мгновенно. На ужине наверняка будут не только виндхеймцы. Судя по разговорам рабынь, готовивших меня к показу, соларцы привезли меня на аукцион рабов. Здесь покупали людей в угольные шахты Либрии, на плантации хлопка в Рейнфок. Кто бы ни приехал на этот аукцион, он непременно меня узнает: платиновые волосы и голубые глаза королевской династии Форлэнда известны на весь мир. И когда они вернутся к себе, то непременно расскажут, что видели разыскиваемую принцессу среди рабынь. Если меня не оставят в камере, конечно.

Что ж, я не должна упускать такой шанс.

— Я требую разговора наедине, ярл, — говорю громко и холодно, обращая на себя внимание.

Виндхеймцы хихикают, как гиены, а Дейрон с лёгкой улыбкой приподнимает бровь.

— О, принцесса, сейчас вы можете только просить.

— Просить? — Я презрительно фыркаю. — У того, кто не осмелился рискнуть сам и вместо этого послал некромантов?

Ошейник сжимается, не давая больше сказать ни слова. По лицу Дейрона невозможно понять, что он думает, и я надеюсь вызвать в нём укол самолюбия. Дикий зверь не позволит, чтобы над ним смеялись в открытую — на этом и сыграю.

— Ваше благородие, вот и подходящий момент продемонстрировать вам и вашей рабыне, за что на самом деле вы заплатили, — обрадованно восклицает соларец.

Согнувшись в поклоне, он приближается к виндхеймцам, протягивает инкрустированный рубинами кинжал.

— Капля вашей крови вот сюда… — Работорговец подаёт Дейрону фиал, полный тёмной жидкости. — И я научу вас, как сделать принцессу покладистой.

Я пытаюсь напрячь руки, вывернуться из сковывающей их цепи, хоть и знаю, что это бесполезно. Всё внутри отчаянно сопротивляется, но магия ошейника держит крепко.

Дейрон холодно кивает. Протянув руку, он позволяет соларцу царапнуть остриём ладонь. Все — и я в том числе, — пристально следят за действиями работорговца. Что может быть хуже плена? Убить меня Дейрон не посмеет: моя жизнь — главный козырь у него в рукаве. Пытать?

По коже пробегает дрожь, когда я вспоминаю сырую каменный мешок, а котором меня заперли на долгие недели. Мерный стук капель с потолка сводил с ума уже через несколько часов, и тогда мне казалось, хуже ситуации не придумаешь.

Они не заставят меня умолять. Никогда.

Работорговец запечатывает фиал и убирает его в один из многочисленных скрытых карманов своего балахона. Его довольная улыбка не сулит ничего хорошего.

— Теперь вы можете полностью контролировать тело принцессы через ожерелье. Эффект не бесконечный, но обездвижить её на пару часов возможно.

Чувствую, как дрожат пальцы. Контролировать живое против воли могут только вивиманты — это обратная сторона подчинения мёртвого. Соларская магия одна из самых могущественных в мире, и мысль, что она очень редко встречается даже среди чистокровных соларцев, успокаивала. До этого момента.

— Попробуйте, — настойчиво предлагает работорговец. — Пожелайте, и она сделает всё, что захотите. Абсолютно.

Проклятье. Только не это.

Шею сдавливает ещё сильнее. Я с хрипом пытаюсь протолкнуть воздух в лёгкие, но в горле будто выросла стена. На спину словно скалу положили: я опираюсь на ладони, скребу ногтями по ледяному камню. Сначала одна нога двигается вперёд, следом вторая. По позвоночнику проходит волна боли. Левая рука перемещается на пару сантиметров вперёд, как я ни пытаюсь её остановить.

Я готова выть от унижения. Дейрон заставляет меня ползти к нему, используя ошейник, как собачий поводок. Чем больше я сопротивляюсь, тем чаще и болезненнее становятся импульсы, проходящие по телу. На глаза против воли наворачиваются слёзы. Ему не надо меня пытать, чтобы сломать. Достаточно растоптать самое ценное, что есть — мою гордость.

Когда я подползаю к его ногам, Дейрон пальцами приподнимает мою голову.

— Достаточно попросить, принцесса, — повторяет он с презрительной улыбкой.

— Не дождёшься, — с трудом хриплю я, когда ошейник чуть отпускает горло. — Я никогда не покорюсь такому, как ты.

Глаза Дейрона опасно прищуриваются. Вызов принят. И пусть я рискую задохнуться, но теперь ярл не посмеет меня прятать. Он наклоняется, проводит пальцем по моим губам, а меня аж трясёт от ненависти.

— Это непременно случится, принцесса, — почти нежно говорит Дейрон. — И очень скоро.

Глава 2. Амелия

Зал для торжества всё так же вырублен в скале, только вместо одной стены — обрыв, с открывающимся видом на пустыню и горы. Балюстрада невысокая, едва мне по пояс. Перекинуть через неё человека на острые скалы внизу — раз плюнуть. Надеюсь, до этого не дойдёт.

Мы входим последними. Работорговец пытался осторожно отговорить Дейрона от моего участия, но тот конечно не послушал. Слава мужскому упрямству!

На подушках за низкими столами развалились с десяток соларцев и пара либрийцев. Я была права, а значит всё унижение не зря. Сколько бы не заплатили за молчание виндхеймцы, меня ищут, и такое шило в мешке не утаить. Меня непременно вызволят, главное — продержаться до этого момента.

За спиной каждого гостя на коленях сидят рабы, мужчины и женщины. Кто-то прислуживает за едой, кто-то подносит чаши для мытья рук или наливает вино. Уверена, Дейрон отыграется на мне, заставив обслуживать и его. Что ж, пусть попробует. Моя цель — привлечь к себе как можно больше внимания, и если ради этого придётся опрокинуть на него кувшин с вином, а потом быть задушенной ошейником, так тому и быть.

Виндхеймцев усаживают на почётные места за главным столом поперёк зала. Дейрон опускается на подушки в центре, рядом с полным соларцем, от которого за километр несёт тяжёлым древесным ароматом. На груди у него золотая цепь с распятой фигурой человека. Глава гильдии работорговцев, догадываюсь я.

— Рад видеть вас, ярл, — говорит он, ленивым взмахом руки повелевая налить гостю бокал чёрного, как кровь, вина. — Надеюсь, ваш путь был лёгок — осень в этом году не уступает лету, а вы, как я полагаю, привыкли к прохладе.

— Не волнуйтесь, Салим, мы ненадолго, — сухо отвечает Дейрон.

Ошейник нагревается, и мои колени подламываются, заставляя опуститься на пол за спиной ярла. Зашипев от боли, я пытаюсь сесть ровно, но по спине пробегает заряд знакомых уколов. Тело само двигается вперёд, ближе к Дейрону. Он отпускает магический поводок, только когда я оказываюсь по его правую руку.

— Вижу, вы уже освоились, — с любопытством поглядывая на меня, замечает Салим. — У вас хорошо получается контролировать эту дикую кошку. Она потопила два моих корабля во время похищения, — заканчивает он обиженным тоном.

— За это мы вам и заплатили, — коротко говорит Дейрон.

Он явно не настроен на разговор, но от главы гильдии так просто не отмахнуться.

— Вы не приветствуете нашу магию, — с грустной улыбкой продолжает Салим, накалывая на кинжал сочащийся жиром кусок мяса. — Но, согласитесь, иногда нужно продемонстрировать силу.

Мрачное молчание ярла становится ответом. Впрочем, смутить работорговца ему не удаётся.

— Что же вы не едите? — спрашивает тот. — Вам не по вкусу наше гостеприимство?

Мужчины встречаются взглядами, и я невольно ёжусь от напряжения, повисшего в воздухе.

— Что вы, Салим, всё выглядит великолепно, — после долгого молчания говорит Дейрон.

Он берёт кубок, делает долгий глоток и вдруг поворачивается ко мне.

— Пей.

Золотой кубок оказывается у меня в руках, и тут я понимаю. Дейрон считает, что соларцы могут его отравить, чтобы перепродать меня ещё кому-нибудь или даже вернуть отцу за гигантский выкуп. Получить с одной сделки двойную оплату — вполне в духе работорговцев. Лотар

Первый заплатит любую цену: хоть у меня и есть брат младше на два года, не его готовили к бремени власти, да и вернуть наследницу дело принципа, а не торга.

Улыбнувшись, я медленно переворачиваю кубок. Вино льётся между нами тонкой струйкой, пачкая моё прозрачное платье. Когда последние капли стекают с края, я демонстративно ставлю кубок перед Дейроном.

Он смотрит на меня с почти довольной улыбкой, а в глазах ярость. Кожей чувствую взгляды, направленные на нас, но я не позволяю себе отвлечься. Говорят, диким животным нельзя смотреть прямо в глаза, они воспринимают это как угрозу. Это мне и надо.

Все ждут, как Дейрон ответит на такую наглость. Я пытаюсь приготовиться к боли, которая наверняка обрушится в самый неожиданный момент. Моё напряжение так велико, что когда Дейрон взмахом руки подзывает раба с вином, я против воли вздрагиваю.

— Ты пролила, принцесса, — негромко говорит ярл, ожидая, пока заново наполнят кубок.

Сердце тревожно бьётся в груди. Не знаю, что он задумал, но я обязана это выдержать.

Дейрон берёт кубок левой рукой, а правой хватает меня за волосы. Запрокинув голову, он притягивает меня к себе так близко, что я вынуждена упереться ему в грудь. Не отрывая взгляд, Дейрон делает глоток и впивается мне в губы грубым поцелуем. Он вливает в мой рот вино, не давая пошевелиться. Чувствую, как жидкость стекает по подбородку и капает на грудь. Ошейник раскаляется, и единственное, как можно вдохнуть, это проглотить треклятое вино. Оно терпкое, с пряным послевкусие и нотками чернослива. После недель скудной еды даже такой малости хватает, чтобы ощутить лёгкий шум в голове.

Но Дейрону мало заставить меня выпить. Его язык проникает в мой рот, настойчивый, требовательный. Он играет со мной, наказывает и поощряет одновременно.

Задыхаясь, я позволяю этой грубой ласке захватить меня без остатка. Горячая волна проходит по телу, руки дрожат, и я впиваюсь пальцами в ворот мужской рубашки. В голове шумит уже не от вина, а от жара поцелуя, такого сладкого — и такого унизительного.

Дейрон отпускает меня так же резко, как до этого притянул к себе. Будто ничего не случилось, он поворачивается к работорговцу.

— Благодарю за гостеприимство, Салим, — вежливо говорит ярл и делает ещё один глоток, салютуя хозяину.

Хорошо хоть сейчас меня не трогает: я всё ещё не могу отдышаться. Что это было? В свои двадцать два года я не раз целовалась с парнями. Были среди них и смелые однокурсники, и нахальные аристократы на пару лет старше. Отец боялся именно этого, когда не хотел отпускать меня в Академию магии: брак для принцессы никогда не про любовь, а всегда про долг. В Академии же слишком много свободолюбия, слишком много соблазнов и не подходящих по статусу сокурсников. Так считал отец — и был прав. Вот только я настояла на обучении не из-за парней, а из-за магии, и потому ухаживания принимала с дерзостью и любопытством, но никто не сумел тронуть моё сердце.

Сейчас же, сидя полуголой, с рабским ожерельем на шее, я вдруг ощутила то, что никогда не испытывала. Жгучая, постыдная страсть к человеку, который меня купил, как кусок мяса на рынке.

Будь ты проклят, Дейрон Хейген. Я буду ненавидеть тебя до конца жизни.

Глава 3. Амелия

Шепотки и тихий смех ещё висят в воздухе, когда Салим, причмокнув полными губами, обращается к Дейрону.

— Вы меня огорчаете, ярл, — притворно надувшись, замечает работорговец. — Неужели вы считаете, что мы настолько беспринципны?

Салим нарезает свой кусок мяса и пододвигает тарелку к Дейрону.

— У нас тоже есть репутация, над которой мы трудились веками — не зря же великий ярл обратился именно к нам. Даю слово: в Соларии вы в безопасности, — заканчивает он и тут же обращается к остальным гостям: — А сейчас пригласите танцоров!

Перед балюстрадой натягивают широкий белый полог. Догорающее солнце на фоне усиливают светильниками с ярким пламенем. Танцоры — четыре девушки и четверо парней — выходят на сцену. Их тела едва прикрыты клочками ткани, и когда они начинают представление, я понимаю, почему.

Откровенные танцы парочек сменяются таким развратом, что я, не выдержав, опускаю взгляд. Пусть это происходит за пологом, и видны лишь тени, но страстно извивающиеся фигуры будят нехорошее возбуждение в гостях вокруг.

Ошейник нагревается, и я вздрагиваю. Ну что ещё? Смотрю на ярла, опасаясь заметить возбуждение в его глазах. Но Дейрон будто не видит развратного представления прямо перед собой. Он молча кивает на тарелку с запечённой перепёлкой в окружении овощей. Есть хочется невероятно, но лучше я поем бурду в камере, чем возьму пищу из его рук.

Я сижу, не шевелясь, собираясь игнорировать молчаливый приказ. Ответ следует незамедлительно. Ошейник раскаляется, по спине пробегает болезненная искра. Без сомнений Дейрон накормит меня силой, если потребуется. Только зачем? Что за странная забота?

Сжав зубы, я беру вилку. Ем медленно, делая вид, что не замечаю тяжёлого взгляда Дейрона. Через какое-то время напряжение отпускает — но не раньше, чем ярл отворачивается.

Утолив первый голод, я украдкой оглядываю гостей. По спине пробегает мороз: сколько похоти в их взглядах. Лишь виндхеймцы выделяются среди прочих своим непробиваемым спокойствием. Не только Дейрон, остальные тоже едят умеренно, даже вино не вызывает у них энтузиазма. Никто не расстался с оружием, но это и не требовалось: соларцы считают ниже своего достоинства разоружать гостей, ведь против их магии никому не устоять.

— Как вам нравится представление? — вежливо спрашивает Салим. На его губах мелькает хитрая улыбка, когда он продолжает: — Эти рабы искусны не только в танцах. Я могу подарить вам любого из них, только скажите.

— Очень щедрое предложение, но я откажусь, — коротко отвечает Дейрон, даже не взглянув на сцену. — Виндхейму нужны воины, а не умельцы постельных утех.

— Как скучно вы живёте, дорогой ярл, — с сочувствием улыбается Салим. — Впрочем, у вас есть принцесса. Её титула вполне хватит, чтобы разбудить желание даже в камне, не говоря о её прекрасном личике.

Я застываю с недонесённой до рта картофелиной. Томительных часов, что я провела в камере, хватило для обдумывания своего положения. Я собиралась сопротивляться до последнего: лучше умереть, чем добровольно лечь под того, кто возомнил себя моим хозяином. Вот только тогда я не знала о действии ошейника. Сейчас я понимаю: Дейрону даже не придётся связывать меня, ему достаточно подумать. И я ничего не смогу сделать.

— Говорят, если женщину подготовить, то процесс будет приятнее, — не унимается Салим. — Могу посоветовать вон ту, рыженькую. Я пришлю её к вам на ночь.

— Благодарю, вы очень щедры, — сдержанно отвечает Дейрон.

Я не должна показывать страх, но как, Неназываемый всех забери, можно не трястись, когда они в открытую обсуждают моё изнасилование?! Салим что-то говорит, но я не могу сосредоточиться. Тревога перерастает в панику. Вилка вываливается из онемевших пальцев и соскальзывает под стол. Легчайшая ткань платья ощущается отравленной власяницей. Сердце стучит так сильно, что хочется свернуться в комочек.

— Великолепный вечер, Салим, но мои люди устали с дороги, — сквозь шум в ушах слышу голос Дейрона.

— Конечно, ярл! Отдыхайте и не тревожьтесь, — с искренней радостью отвечает глава. — Но девушку я вам всё же попозже пришлю.

Ошейник нагревается, без слов командуя встать. Я бросаю невидящий взгляд на стол и замечаю нож, всё время лежавший у тарелки.

Я не дам себя изнасиловать. Хватаю нож, разворачиваюсь и бью Дейрона в бок и вверх, чтобы проткнуть лёгкое, как учили на тренировках по обороне. Вот только Дикий зверь оказывается быстрее.

Дейрон легко перехватывает моё запястье. Его пальцы, как кандалы, сжимают мою руку. Дёрнув на себя, он нарочито неспешно забирает нож и кидает его на стол.

— Смело, но глупо, принцесса, — усмехается он.

Как же хочется плюнуть ему в лицо! Меня вздёргивают на ноги, ошейник сжимается, не давая вздохнуть. Кто-то в зале разражается улюлюканьем и свистом. К нам бросаются стражники, но Салим делает им знак остановиться.

— Вижу, принцесса в надёжных руках, — с улыбкой говорит работорговец, и по залу проносится волна хохота.

Дейрон не реагирует. Коротко кивнув главе гильдии, он берёт меня под локоть — очередная насмешка над моим положением, — и выводит из залы.

Мы идём тёмными, вырубленными в скале коридорам. Каждый шаг — будто на плаху. Увидев знакомые кованые двери, я запинаюсь. Ужас затмевает сознание.

Пытаюсь сбежать, но меня тут же ловят. Я брыкаюсь и кричу до тех пор, пока острая боль от ошейника не заставляет повиснуть мешком в чужих руках.

Меня втаскивают в гостиную, волокут в соседнюю с ней спальню. Дейрон держит меня магией так крепко, что ни пошевелиться, ни лишний раз вздохнуть. Когда меня швыряют на кровать, я утыкаюсь лицом в шёлковое покрывало. Если бы могла, я бы орала от безысходности. Увы, всё, что мне остаётся, это молча ждать самого страшного. Дейрон отдаёт какие-то приказы, но я слышу лишь шум крови в ушах.

Хлопает дверь. Медленные шаги за спиной. Я напряжена, как струна. Дейрон опускается одним коленом на кровать и натыкается на мой безумный взгляд.

— Я сейчас тебя отпущу, но если снова начнёшь истерику, опять скую ошейником. Поняла?

Ни кивнуть, ни даже моргнуть не могу, но я бы и так этого не сделала. Пусть подавится своими угрозами! Я буду не я, если перестану сопротивляться.

Дейрон оставляет меня одну, снова исчезая из поля зрения. Ошейник ослабляет давление медленно. Сначала становится легче дышать, следом я могу пошевелить пальцами рук. Когда тело снова принадлежит мне, я готовлюсь царапаться и кусаться, если потребуется.

Перевернувшись на спину, отползаю к изголовью. Дейрон даже не смотрит в мою сторону: отвернувшись, он что-то достаёт из дорожной сумки. Я подбираюсь, как кошка перед прыжком, собираясь повторить атаку пусть и с голыми руками, но острый укол от ошейника остужает мой пыл.

— Кажется, мы уже выяснили, что это плохая идея, принцесса, — отстранённо говорит Дейрон.

Он поворачивается, коротко оглядывает меня с головы до ног. Я подтягиваю колени к груди, стараясь прикрыться. Дейрон, усмехнувшись, поднимает бровь и спрашивает:

— Сама разденешься или тебе помочь?

Не дождавшись ответа, Дейрон начинает раздеваться сам. Ярл уже сбросил сапоги, а сейчас снимает поясные ножны. Куртка летит на кресло, следом — рубашка. Когда Дейрон расстегивает пояс брюк, я вжимаюсь спиной в изголовье.

Он раздевается так, будто меня не существует. Горло вдруг пересыхает, когда я вижу длинные полосы и рваные пятна шрамов на его спине. Мышцы перекатываются под кожей, и следы многочисленных сражений двигаются, словно живые.

— Нравится?

Дейрон поворачивается, а я поспешно отвожу взгляд. Руки подрагивают, я с трудом заставляю себя дышать. Надо сохранить остатки достоинства — и позволить себя изнасиловать?

— Нет, — отвечаю сквозь зубы.

Пусть не думает, что я пялилась на него всё время, пока он раздевался, хоть это и правда.

Пальцы не слушаются, когда я пытаюсь развязать шёлковые ленты, держащие моё прозрачное платье на шее. Увы, они запутались в узел, и я, как ни стараюсь, не могу их ослабить. Дейрон подходит к кровати. Я сжимаюсь в комок, стараясь не расплакаться. Ярл бесцеремонно дёргает меня вперёд, заставляя отодвинуться от изголовья, и одним движением разрывает ленты.

Прижав к груди тонкую ткань, я зажмуриваюсь. Он всё равно сделает, что задумал, и чем больше я буду сопротивляться, тем унизительнее станет наказание. Он возьмёт меня, скованную магией, и хорошо если позволит дышать. Возможно, чем раньше он возьмёт то, что хочет, тем быстрее оставит меня в покое?

Отпускаю ткань и стаскиваю с себя остатки платья. Не открывая глаз, ложусь на спину, вытягиваю руки вдоль тела. Кровать прогибается, когда Дейрон опирается коленом на край. Я отворачиваюсь, повторяя про себя одно: только не плакать, не смей плакать.

— Соблазнительно, принцесса, но я не насильник.

Мне в руки падает куль с одеждой. Растерявшись, я вздрагиваю. Это что, рубашка? Я поднимаю взгляд на Дейрона, прижимая хрустящую от чистоты ткань к груди.

— Переодевайся, — приказывает ярл. — И твоё место — здесь.

Он сдёргивает с кровати одеяло, заставляя меня съежиться на краю. Швырнув его на пол, он уходит в купальню, откуда вскоре слышится звук льющейся в бассейн воды.

Я смаргиваю предательские слёзы, трясущимися руками надеваю рубашку. Спать на каменном полу — не самое страшное, что можно сделать с пленницей. Я могла бы показать характер, забрав ещё одно покрывало и подушку, но прошедший вечер высосал все силы.

Не протестуя, сползаю на пол. Завернувшись в одеяло, я подтягиваю ноги к груди. Я точно не усну в такой обстановке. Определённо не усну… И всё же проваливаюсь в забытье.

Глава 4. Дейрон

— Эта девица обдурила тебя, даже не напрягаясь. Надо держаться с ней настороже.

Я поворачиваюсь к Мэлкеру, развалившемуся на подушках в гостиной. Принцесса спит за закрытой дверью спальни: я перетряхнул метры воздушной ткани её платья, чтобы проверить, не припрятала ли она ещё один нож. Она даже не вздрогнула, только сонно вздохнула и крепче сжала брошенное на пол одеяло, но всегда надо держать в уме, что она притворяется. Форлэндский королевский двор – пристанище лгунов и манипуляторов, и принцесса училась у лучших.

— И в чём она меня обдурила? — негромко уточняю я, опускаясь на низкий диванчик рядом с Мэлкером.

Хоть принцесса и спит, не стоит будить её громкими голосами.

Друг криво усмехается. Он кидает в рот виноградину и жестом указывает на дверь в коридор.

— Этот приём. Вас было невозможно не заметить. Ты планировал забрать принцессу потихому, а получилось…

Мэлкер, прищурившись, смотрит на меня. Я спокойно встречаю его взгляд, не говоря ни слова. Принцесса упряма и своевольна, и потому она должна знать своё место и бояться. Испуганные пленники доставляют куда меньше проблем, это мне хорошо известно.

Я бы вообще не стал обсуждать это, не будь Мэлкер моим другом и правой рукой долгие годы, но и оправдываться не стану.

Я позволяю окончанию фразы повиснуть без ответа, и Мэлкер, взъерошив короткие русые волосы, спрашивает:

— Только не говори, что это и был твой план: продемонстрировать всем, кто похитил форлэндскую принцессу на самом деле?

— Теперь — да.

Я беру револьвер, слушаю, как прокручивается барабан, проверяю кремень. Даже Мэлкеру не стоит говорить всё, что я думаю, — особенно, пока мы среди работорговцев. Я не верю Салиму ни на грош. Хоть он и уверял, что принцессу тихо вывезли через Либрию, уже здесь, в Миразе, я слышал, как рабы шепчутся о сребровolосой принцессе. Если знают рабы, знают все, и наша скрытность уже ничего не изменит.

Мэлкер неодобрительно хмурится. Он не меньше моего ненавидит форлэндцев. Они отняли нашу землю, забрали магию, опустошают священные горы. Я должен вернуть то, что по праву принадлежит Виндхейму, но отыгрываться на пленнице не позволю.

— Хочу напомнить: принцесса неприкосновенна, как бы она ни пыталась вас разозлить. — Я опускаю оружие, внимательно смотрю на Мэлкера. — Я доставлю её в Виндхейм, чего бы это ни стоило. И ты мне в этом поможешь.

Мэлкер садится, расслабленности как ни бывало.

— Думаешь, они попытаются её выкрасть теперь уже у нас?

Я кладу револьвер на колени, кидаю на него короткий взгляд, прежде чем сказать:

— Я уверен в этом.

***

Стук в дверь заставляет Мэлкера напрячься. Он тянется к брошенной на пол рапире, достаёт её из ножен и бесшумно поднимается на ноги.

— Ты кого-то ждёшь?

Я убираю револьвер в кобуру. Каждая мышца в теле напрягается в ожидании. Салим обещал прислать рыжую рабыню — это наверняка она. Но интуиция подсказывает, что это не просто подарок, а хитрая манипуляция работорговца.

— Открой.

Мэлкер беспрекословно подчиняется. Он застывает рядом с дверью, позволяя хрупкой девушке проскользнуть внутрь. Огненно-рыжие кудри спускаются по её плечам, воздушное платье, так похожее на платье принцессы, окутывает фигуру от шеи до пят — и всё равно она выглядит голой.

— Господин прислал меня в подарок вашему благородию.

Голос мягкий, тягучий, словно мёд. Девушка смотрит в пол, плечи напряжены. Ошейник на ней куда тоньше, чем тот, что надели на принцессу: тонкая полоска металла лежит на ключицах. Скорее украшение, чем рабская метка.

Следом за девушкой входит Тейт. Он самый молодой из нас, ему едва исполнилось двадцать, когда я взял его в отряд. Его мастерство маскировки дорогого стоит: у окружающих он вызывает меньше всего вопросов, не то что десяток хмурых, покрытых шрамами мужиков. Парень смотрит на рабыню, как заворожённый, и только мой тяжелый взгляд возвращает его в чувство.

— Господин Салим… — снова повторяет девушка, но я жестом приказываю ей замолчать.

Мне не нравится этот подарок. Работорговец знает о моей неприязни к соларской магии. Сумей я сам заблокировать дар принцессы, ни он, ни его люди мне бы не понадобились. Увы, услуги вивимантов стоят баснословных денег, их не купить напрямую, пришлось потратить целое состояние и унизиться до сотрудничества с Салимом. Но обмануть себя я не дам.

Я встаю. Девушка еле заметно вздрагивает, когда я подхожу ближе, её тонкие пальцы впиваются в складки платья, но уже через миг она опускает руки, расслабляется.

Принцесса совсем другая. Чего стоила сцена с вином, которая и разозлила, и заставила мысленно аплодировать её смелости. Амелия умеет добиваться своего. Вспоминаю вкус её губ, приправленный вином: даже дрожащая и напуганная, она борется. Она бы не стала смотреть себе под ноги, демонстрируя покорность. И уж точно не попыталась бы прикоснуться ко мне вот так мягко, почти нежно.

Пальцы рабыни тянутся к моей ладони, когда я поднимаю руку, якобы откинуть волосы с её плеча. Наши взгляды встречаются. Она выглядит хрупкой, невинной и одновременно соблазнительной. Понятно, почему Тейт так на неё смотрит.

— Передай Салиму мою благодарность. Скажи, что я признателен за его щедрость.

Я отступаю на шаг, чтобы девушка не могла до меня дотронуться. Взглядом приказываю Мэлкеру проводить её вон. Ему хватает сообразительности тоже не касаться рабыни. Он молча открывает дверь, кивком указывая на выход.

— Тейт, останься, — негромко говорю я, когда парень намеревается выйти следом.

Вивиманты опасны едва ли не сильнее некромантов. Последние могут поднимать мертвецов только ночью: дневной свет ослабляет магию, не даёт плести новые связи. Для вивимантов время суток не имеет значения. Они могут подчинять живых даже мимолётным прикосновением, поэтому соларский император держит их при себе в качестве шпионов. Салим наверняка тоже.

Дверь захлопывается. Тейт смотрит на меня, ожидая приказа, а я размышляю, как узнать, попал он под влияние вивимантки, или всё же моя подозрительность беспочвенна.

— Где ты её встретил?

Тейт растерянно оглядывается, будто хочет снова встретиться с девушкой взглядами.

— Я был на посту, её привёл раб, сказал, это подарок от Салима.

Парень наконец-то берёт себя в руки, смотрит прямо на меня, чуть выпрямившись, как во время доклада.

— Она прикасалась к тебе?

Этот вопрос застаёт его врасплох. Тейт удивлённо приподнимает брови, краснеет, выдавливая из себя нетвердое:

— Нет.

Я мог бы пустить ему пулю в лоб, избавив себя от сомнений. Все в отряде знают: даже касание вскользь опасно. Мэлкер провел инструктаж, в своей неповторимой манере пообещав, что каждый, кто подставится, будет убит им лично. Но меня не отпускают подозрения на счёт парня.

— Она что-то тебе говорила? — уточняю спокойно, обходя его по кругу.

Тейт смотрит прямо, старается держаться ровно, но на лбу выступает пот. Он нервничает, чего никогда бы не стал делать обращённый вивимантом человек, однако я всё же решаю его проверить.

Револьвер оказывается в моей ладони — и уже через секунду я приставляю дуло к затылку Тейта. Щёлкает курок. Парень вздрагивает, я чувствую, как его потряхивает от страха.

— Клянусь Зверем, я не трогал её!

С минуту мы стоим, не двигаясь. Тейт трясётся всё сильнее, когда я чуть вдавливаю дуло в его голову. Спровоцировать обращённого защищаться, чтобы выполнить приказ хозяина, — чуть ли не единственный способ выяснить, действительно ли он под воздействием магии. Будь рядом Зверь, я мог бы почуять магию внутри парня, но приходится обходиться своими силами.

Тейта трясёт всё больше, он кусает губы, но умолять не пытается. Просто смотрит перед собой, еле слышно шепча молитву.

Убить легко. Ради цели, которая передо мной стоит, я готов положить всех в отряде, без раздумий отдать собственную жизнь, если это потребуется. Но и разбрасываться своими людьми раньше времени не стоит.

Когда напряжение в комнате достигает пика, Тейт всхлипывает и закрывает глаза. Он тоже знает цену ошибки.

— Будь осторожен, — негромко говорю я, опуская револьвер.

Парень готов расплакаться в голос, но держится из последних сил.

— Конечно, Дейрон. Я понимаю.

— Уходи.

Он выскакивает из гостиной, хлопая дверью сильнее, чем нужно, и я морщусь. Убить легко, но тогда Салим может придумать ещё какой-то хитрый способ проникнуть в отряд. Придётся наблюдать за парнем. Я достаточно знаю привычки каждого в своих людей, чтобы заметить изменения. И если мои подозрения верны, то лучше держать на прицеле одного человека, чем гадать, откуда ещё может прийти угроза.

За принцессой идёт охота, и я должен защитить свою добычу. Чтобы в конце убить её собственными руками.

Глава 5. Амелия

Я открываю глаза, потому что даже сквозь сон чувствую чьё-то присутствие. Дейрон уже одет. Он стоит надо мной, и первые лучи солнца искорками отражаются в его чёрных глазах.

— Собирайся.

Ярл бросает мне одежду: простые штаны, куртка и пара сапог. Отойдя к окну, Дейрон прислоняется к стене и скрещивает руки. Надеюсь, что он хотя бы отвернётся, но нет, приходится одеваться под его пристальным взглядом. По позвоночнику бегут мурашки, когда я замечаю тёмный блеск его глаз.

— Мне нужно в ванную, — говорю сухо, заканчивая заплетать косу. — Ты и туда пойдёшь?

Дейрон, прищурившись, бросает взгляд в сторону купальни. Меня пробирает дрожь от одной мысли, что он не даст мне даже в туалет сходить одной.

— Только быстро.

Я едва успеваю привести себя в порядок, как меня выводят во двор. По пути утаскиваю кусок лепешки и яблоко с подноса в гостиной, но еды так мало, что она заканчивается, едва я спускаюсь по последним ступенькам.

С опаской смотрю на лошадей, которых выводят из конюшни. Все как один огромные, боевые кони, такие не любят чужих на спине. Меня подводят к высоченному вороному жеребцу, и тот скалится, едва учуяв мой запах.

— Так скоро покидаете нас, ярл?

Несмотря на раннее утро, Салим уже надушен, как сотня светских леди. Дейрон отвечает холодным кивком:

— Нас ждёт долгий путь.

Пока они прощаются, один из виндхеймцев подходит ближе. Даже не предупредив, он обхватывает меня за талию, намереваясь подсадить в седло. Я сжимаю зубы: так и хочется срезать наглеца острым словом. Вместо этого я молча сбрасываю мужскую руку и поворачиваюсь к лошади. Но не успеваю поставить ногу в стремя, как молодой виндхеймец развязно хлопает меня по попе. Развернувшись, я отвешиваю хлёсткую пощёчину прямо по ухмыляющейся роже.

— Ах ты тварь!

Мужчина замахивается в ответ. Будь у меня магия, он давно бы уже наслаждался видом своих кишок на скалах, но увы. Виндхеймец хватает меня за волосы, швыряет на каменные плиты двора. От острой боли в рёбрах я чуть не теряю сознание, а когда, проморгавшись, поднимаю голову, то вижу занесённую для пинка ногу.

Но удар так и не следует. Дейрон появляется за спиной мужчины, как призрак. Неуловимое движение — и тот заходится криком, пока ярл продолжает выкручивать ему руку.

— Кажется, я ясно дал понять: никто не смеет тронуть её и пальцем, — с едва сдерживаемой злостью говорит Дейрон.

Треск ломающейся кости такой громкий, что я вздрагиваю.

Дейрон отпускает соратника. Тот падает на колени и баюкает вывернутую в плече руку. Во дворе повисает тишина, нарушаемая лишь всхлипами мужчины.

— Поднимайся.

Дейрон протягивает мне ладонь, но я невольно отползаю подальше. Боги, не зря его зовут Диким зверем. Да, парень перешёл черту, но не ломать же ему за это руку!

Поднимаюсь сама, обхожу по дуге и Дейрона, и его подчиненного. Даже конь, скалящий на меня зубы, не кажется таким страшным, как эти варвары. Ярл поднимает меня в седло и сам садится позади.

— Догонишь, если успеешь, — бросает он мужчине, к которому уже бегут рабы, и бьёт коня пятками.

Некрорабы распахивают ворота, и наш небольшой отряд выезжает на скалистую дорогу, ведущую на восток.

Дейрон одной рукой придерживает меня за талию. Это ощущается, будто меня заключили в стальное кольцо, в кандалы, в темницу. По коже бегут мурашки от каждого движения Дейрона в седле. Он ненормальный — я и так это знала, но теперь убедилась воочию.

Ярл замечает моё учащённое дыхание.

– Не бойся, принцесса, – негромко говорит он, его губы почти касаются моего уха, от чего хочется передёрнуть плечами и отодвинуться. – Слушайся и будешь цела.

Недоверчиво фыркаю в ответ.

– Не веришь?

Голос Дейрона обманчиво мягкий. Не будь я настолько подкованной в вопросах лжи, когда люди прячут её за улыбками и сладкими речами, то могла бы купиться. Вот только я знаю, как легко нарушаются обещания, а обман становится естественной частью жизни.

– Не важно, что я могу сделать, – отвечаю, не скрывая презрения в голосе. – У тебя есть поводок, за который ты можешь дёрнуть в любой момент.

– Вот именно, принцесса. Помни об этом.

Тело напрягается так сильно, что плечи начинают ныть. Я отодвигаюсь от Дейрона, насколько это возможно – то есть почти никак. Затылком ощущаю, как он ухмыляется на все мои попытки отвоевать хоть кусочек личного пространства. Понимаю, что это бессмысленная трата сил, которая не даст результата, но не могу покорно смириться с властью этого чудовища надо мной.

Я должна бежать, а для этого надо как можно лучше изучить своего врага.

Мы двигаемся стройной колонной, оттесняя встречных путников. Каждый из виндхеймцев ведёт себя так, будто пробирается по вражеской территории: все сосредоточены, не слышно ни смеха, ни разговоров, оружие наготове, а взгляды обшаривают не только людей, но и каменистый пейзаж вокруг. От этих солдат сбежать будет непросто. Мне нужна помощь, но на оставшихся в Миразе аристократов я даже не надеюсь. Если кто-то из них и решится отбить меня у виндеймцев, то это явно будет не под стенами города работорговцев.

Однако надежда всё же теплится где-то внутри. Я всматриваюсь в каждого нового человека на дороге, в каждое лицо, надеясь найти понимающий взгляд. Кто-то должен меня узнать, должен помочь, пусть и из корысти. Я готова заплатить любую цену, дать любое обещание и сдержать его, лишь бы избавиться от холодного ошейника и горячих рук моего похитителя.

Если Дейрон думает, что рабский ошейник гарантирует моё послушание, он глубоко заблуждается. Я наследная принцесса, и я не сдамся врагу, как бы сильно он ни натягивал свой поводок.

Решимость сбежать, как только появится шанс, крепнет с каждой минутой, пока, наконец, не формируется в план.

Глава 6. Дейрон

Я помню сладкую улыбку Салима и хитрый взгляд его тёмных глаз, даже когда за нами закрываются ворота. Опасно играть с противником, который в лицо улыбается, а за спиной точит нож. Ещё и Халли решил проявить самодеятельность. Что ж, пусть это послужит уроком остальным: время от времени приходится напоминать, кто я такой.

Тащить с собой раненого бессмысленно. Надеюсь, Халли догонит нас на перевале в Либрию, но надежды мало. И если он появится, придётся следить ещё и за ним. Салим непременно пожелает заполучить моего человека в свои сети. Остаётся один вопрос: сразу ли к нему пришлют вивиманта или спустя время?

Амелия передо мной ёрзает, стараясь отодвинуться, и я невольно придерживаю её за талию. Принцесса и без того напряжённая, каменеет. Наша короткая перепалка подстёгивает неуместный интерес. Я должен видеть в ней добычу, трофей, а не личность, но её гордость так приятно будет сломать, что я не отказываю себе в маленькой слабости. После случившегося с Халли она смотрит на меня так, будто я расчленил его у всех на глазах.

Забавно наблюдать, как её прекрасный мир рушится со всех сторон.

Пыльная каменистая дорога идёт между скал. Взгляд цепляется то за один нависающий выступ, то за другой, на котором так удобно спрятаться, чтобы расстрелять весь отряд. Надо их проверить.

Мэлкер, повинуясь моему жесту, выезжает чуть вперёд, прикрывая собой Амелию. Он то и дело кидает на неё настороженные взгляды, но я знаю — он не подведёт.

На миг ощущение реальности раздваивается. Я всё ещё еду на лошади, ладонью ощущая тепло, исходящее от принцессы. И одновременно с этим вижу, как мелькают скалы, слышу свист ветра в ушах, ощущаю запах чужой сухой земли. Мой Зверь уносится вперёд и нужно сосредоточиться, чтобы не потеряться в этих видениях.

Навстречу нам едут многочисленные повозки, груженные едой, фуражом для лошадей, коврами, мебелью. Мэлкер своей крупной фигурой заставляет встречных всадников освобождать нам путь. Даже пытайся я вывезти Амелию тихо, это была бы заведомо провальная попытка. Она прячет волосы под капюшоном, старается не поднимать голову, и всё равно я ловлю заинтересованные взгляды в её сторону.

Видения Зверя врываются в разум, как шторм. Двое мужчин и десяток некрорабов скрываются среди скал над дорогой. Живые мертвецы греются на солнце в неестественных позах. Когда Зверь бесшумно прыгает на них сверху, я заставляю себя вернуться.

— Убери руку, — шипит сквозь зубы Амелия.

Только сейчас я понимаю, что сжал пальцы на её талии до синяков. Ослабляю хватку, но ладонь не убираю. Тепло её тела держит меня в реальности, не даёт разуму ускользнуть в гущу схватки далеко впереди.

Я нагоняю Мэлкера, придерживаю коня рядом.

— Скоро будет поворот с тракта. Поедем в объезд.

Он кивает, не задавая лишних вопросов. Перед глазами мелькают разорванные тела, чёрная кровь на жёлтых камнях, нос забивает вонь мертвичины. Эти некроманты нас больше не потревожат.

Я замечаю, как настораживается Амелия. Она усиленно делает вид, что мои слова её не волнуют, но напряжение плеч и рук выдаёт её с головой.

Похоже, принцесса хочет поиграть в догонялки — пусть попробует. Ничто так не сокрушает внутренний стержень, как осознание, что ты не больше, чем добыча. И ей придётся это понять.

Когда в Виндхейме мы с Мэлкером составляли план похищения, последнее, о чём я думал, так это о том, что у принцессы есть воля. Амелия была просто целью, очередным заданием, которое нужно выполнить, и её возможное сопротивление даже не рассматривалось как что-то существенное. Принцесса, привыкшая полагаться на магию и слуг, не казалась мне проблемой. Нападение соларцев должно было растоптать её уверенность, а неделя в повозке без окон, закончившаяся каменным мешком, и вовсе добить остатки самообладания.

Я ожидал увидеть сломанную куклу, но просчитался. Что ж, так даже интереснее.

Мы сворачиваем на узкую тропу между скал. Солнце печёт головы, но холодный ветер обдувает лица. Амелия ёрзает, прячет кисти в рукава куртки. Кажется, я могу прочитать её мысли — так громко она думает.

— Мне нужно в туалет, — вдруг заявляет она.

Я придерживаю коня. Принцесса оглядывает скалы: между двух камней на обочине проступает звериная тропа, уходящая вниз по склону. Неужели она и впрямь решится?

— Вперёд, — говорю ей на ухо, и Амелия дёргается, как от удара.

— Здесь?!

Она поворачивается, смотрит на меня с поистине королевским презрением.

— Дворец я для тебя всё равно не найду.

С усмешкой наблюдаю, как вспыхивают её глаза. Дай ей кинжал в руки, и она точно попробует меня заколоть во второй раз.

Я спешиваюсь первым, протягиваю Амелии руку, но принцесса ожидаемо игнорирует жест вежливости. Соскочив на землю, она направляется к примеченным мною камням, и когда отходит достаточно далеко, я бросаю ей в спину:

— Вечереет, скалы скоро станут ледяными, а в горах дикие звери. Да и на тракте многие с удовольствием познакомятся с тобой, принцесса. Помни об этом, если решишь размять ноги.

Ноздри Амелии в гневе раздуваются, когда она бросает на меня презрительный взгляд. Мэлкер вопросительно приподнимает бровь, тянется к верёвке, примотанной к седлу, но я молча качаю головой. Пусть принцесса хорошенько оценит свои силы.

Амелия скрывается за камнями. Мы ждём долго — куда дольше, чем требуется женщине справить нужду. Мэлкер спешивается, подходит ко мне:

— Её поиски сильно задержат нас, — тихо говорит он. — Я могу проверить…

— Нет.

Склонив голову, Мэлкер отходит. Никто не шевелится, все просто ждут.

Спустя полчаса Амелия показывается из-за камня. Нахмурившись, подходит к лошади и молча забирается в седло. Я больше не делаю попыток помочь, но когда сажусь позади, не могу удержаться от насмешки:

— Живот прихватило?

Она вспыхивает так, что аж уши краснеют. Натянув капюшон чуть ли не на нос, бурчит:

— От рыси отбивалась.

— Я скорее поверю в суслика. Рысь бы так просто тебя не отпустила.

Амелия пытается сбросить мою руку, но я перехватываю её холодные пальцы. Для изнеженной принцессы она быстро соображает.

На ночь мы останавливаемся в бедной деревушке, где едва насчитывается десяток домов. Жилища ютятся на скалах, воняет козьим дерьмом, жители смотрят на нас исподлобья. Ни о каких удобствах речи не идёт: Мэлкер выторговал нам целый дом, в котором всего одна комната.

Амелия входит внутрь одной из последних. Растерянно осматриваясь, она растирает плечи, затёкшие от долгой поездки. Расторопный Тейт ставит перед ней миску с жидким супом. Я приглядывал за ним всю дорогу, но никаких признаков обращения не заметил. Однако рас-

слабляться рано: о способностях вивимантов ходит много слухов, и я не хочу проверять, что из них правда, а что вымысел.

Единственная кровать стоит в дальнем углу, на ней спокойно может разместиться целое семейство — или трое здоровенных парней. Мэлкер небрежно кидает на матрас одеяло. Он старается не встречаться с Амелией взглядами, я вижу, как его раздражает сам вид форлэндской принцессы, неуверенно замершей рядом.

— Боги, здесь клопов больше, чем в темнице Салима, — говорит она, ни к кому не обращаясь.

— На полу ещё есть место, — предлагаю я, расстилая спальник рядом кроватью: так никто не подойдёт к принцессе без моего ведома.

Фыркнув, Амелия забирается в постель прямо в одежде и сапогах, закутывается в одеяло. Она долго ворочается, даже когда остальные уже заснули.

Прислушиваюсь к шагам караульного за дверью. Где-то копошится мышь. За окном кричит далёкая птица. Всё слишком спокойно, и от этого тело напрягается, как перед схваткой.

Навык дремать так, чтобы в один миг проснуться и быть готовым к бою, выучен мною ещё много лет назад. Поэтому когда под чьей-то ногой скрипит половица, и я открываю глаза, в руке уже зажата рукоять кинжала.

В доме темно, но я слышу прерывистое дыхание, выбивающееся из общего хора посапываний. Кто-то крадётся по комнате, явно стараясь не шуметь.

Натянутые мышцы готовы выбросить тело вперёд и вверх, но я жду, намеренно шумно выдыхая. Нельзя позволить Тейту — если это он — обнаружить, что я не сплю. Эффект неожиданности будет утерян, и второй раз на приманку в виде спящей принцессы он может не купиться.

Шаги приближаются. До меня доносится особенно резкий скрип, приглушённая ругань. Я сажусь точно в момент, когда чья-то рука тянется к кровати.

— Прости, я тебя разбудил…

Тейт дёргается, как от удара: кинжал упирается ему в бедро, прорезав штанину. Одно лишнее движение, и я вспорю ему вену. Привыкшие к темноте глаза выхватывают удивлённое лицо парня.

— Мой черёд караула, — оправдывается он шёпотом, — а я оставил куртку здесь.

Тейт указывает на одежду, и впрямь висящую на спинке кровати. Вспоминаю, как Мэлкер назначал караульных: Тейт был вторым. Меня не отпускают сомнения, но в его руках нет оружия, да и сам парень выглядит испуганным.

Проклятье, надо было прирезать его ещё в Миразе.

— Ты не на прогулке, Тейт, — сухо говорю я, убирая кинжал. — Забирай вещи и проваливай.

Парень часто кивает, хватает куртку и вылетает за порог. До ушей доносится тихий разговор с Ботвидом, заканчивающим первую стражу. Слов не разобрать, но Ботвид явно отчитывает парня за глупость.

Я снова ложусь, прикрываю глаза, но кинжал в ножны так и не убираю. Заставляю тело расслабиться: поочерёдно сосредотачиваюсь на мышцах рук и ног. Когда дыхание становится глубоким в преддверии сна, я скорее чувствую, чем слышу, как принцесса взволнованно выдыхает.

Кое-кто явно не спит — и один Зверь знает, что она придумает дальше.

Глава 7. Амелия

Мой план проще простого: дождаться, пока Дейрон ослабит внимание и сбежать на ближайшей стоянке. Вот только этого не выходит ни в первую ночь, ни в последующие.

Три дня мы едем по скалистым дорогам Соларии, останавливаясь в нищих деревушках. Из удобств — горячая еда на ужин и тазик с мылом перед сном. Спать меня укладывают вместе с остальными солдатами, не давая ни секунды побыть одной. Дейрон не привязывает меня на ночь, но это не успокаивает: я всегда окружена виндхеймцами, да и он сам не спускает с меня глаз.

Остаётся только ждать.

За эти дни я успеваю приглядеться к людям ярла. Все опытные воины — кроме одного юнца. Уж не знаю, зачем Дикий зверь потащил с собой Тейта: он то и дело ошибается, как в первую ночь, когда забыл куртку на спинке моей кровати. Иногда я замечаю, как Дейрон присматривается к нему, словно хочет что-то разглядеть, но ничего, кроме юношеской неловкости, я не замечаю.

Из остальных выделяется Мэлкер, правая рука и помощник ярла. Русоволосый, со светлыми глазами, он выглядит типичным виндхеймцем — исключая самого Дейрона. Интересно, почему сам ярл там отличается внешне от своих собратьев? Тёмные глаза и чёрные волосы редкость среди них. Похоже, в его жилах течёт не только виндхеймская кровь.

Но это ничего не меняет. Его слушаются беспрекословно. Никто, даже Мэлкер, не смеет обсуждать его приказы — особенно после инцидента со сломанной рукой.

Меня стараются не замечать, и лишь Мэлкер позволяет себе открыто следить за мной, когда я укладываюсь спать или собираюсь в дорогу. Я постоянно ощущаю на себе его ненавидящий взгляд, и даже презрительная холодность Дейрон на его фоне кажется не такой опасной.

На четвертую ночь мы останавливаемся на ночлег под деревьями на краю поля. Горные тропы сменяются широкой мощёной дорогой, а до ближайшего города сутки пути. Притворившись спящей, я слушаю разговор Дейрона с помощником, пока остальные готовятся к ночи.

— Я не повезу её через Артлан, — тихо говорит Дейрон. — Поэтому ты отправляешься за провизией и сменными лошадьми. Возьми с собой пять человек. Встретимся послезавтра вот здесь.

Он показывает Мэлкеру место на карте, и тот кивает.

— И чтоб без задержек. Я не стану вас ждать.

— Хорошо, значит мы едем сейчас.

Только успокоившийся лагерь снова приходит в движение. Через полчаса Мэлкер уезжает, и виндхеймцев остаётся лишь четверо, включая Дейрона. Идеальный момент, чтобы сбежать, больше тянуть некуда. Надо лишь усыпить бдительность оставшихся.

Я задрёмываю, несмотря на землю, холодящую тело даже сквозь одеяло. Просыпаюсь от треска углей в догорающем костре, когда ночь переваливает за середину. Чёрные силуэты деревьев кажутся вышедшими из сказок монстрами. От крика ночной птицы, вздрагиваю, но заставляю себя сесть на покрывале.

Мужчины спят, закутавшись в плащи. Дейрон лежит совсем близко: протяни я руку, смогла бы дотронуться до его лица. Охраны нет. Похоже, виндхеймцы слишком полагаются на мой ошейник и на удаленность от человеческого жилья.

Осторожно, чтобы не хрустнула ни одна ветка, я поднимаюсь на ноги. Не беру с собой ни одеяло, ни еды: боюсь разбудить ярла копошением, а сумка ещё и замедлит мой побег. К лошадям, стреноженным на краю леса, я тоже не приближаюсь.

Медленно, аж мышцы сводит от напряжения, отхожу к ближайшему дереву. Под ногой трещит предательская ветка, и я замираю. Никто даже не шевелится.

Удача явно на моей стороне.

Отступаю всё дальше, пока стоянка совсем не теряется из виду, и только потом разворачиваюсь и бегу. Не к полю, там меня слишком легко заметить, а в глубь леса.

Ноги путаются в высокой траве, я едва успеваю прикрывать лицо от низких ветвей, а сердце стучит чуть ли не в горле, готовясь выпрыгнуть от ужаса и восторга одновременно.

Боги, получилось! У меня получилось сбежать так легко, что даже не верится. Теперь надо выровнять дыхание и не терять темп, всё, как учил мастер Винтер на тренировках. Жаль, что участь в Академии, я частенько пренебрегала этими уроками, больше сосредоточенная на изучении магии. А отец ещё не позволял мне поступать! Вот он удивится, когда узнает, что это спасло меня от плена.

Окрыленная, я замедляюсь, экономя силы, как вдруг слышу треск ветвей за спиной.

— Эй, принцесса, ты куда? — голос Дейрона звучит так близко, что я взвизгиваю и припускаю вперёд, петляя, как заяц.

— Не боишься остаться одной с дикими зверями?

Ужас накрывает волной. Воодушевление моментально сменяется отчаянием. Идиотка! Как можно было решить, что ярл так спокойно оставит меня без присмотра!

Я несусь вперёд, не разбирая дороги. Ни о какой скрытности речи больше не идёт: я прорываюсь через дикие заросли с шумом, от которого сама глохну. Виндхеймцы не владеют магией в привычном смысле слова. Они не могут повелевать Скалами или Водой, не призывают мёртвых и не контролируют живых. Они не создают иллюзии. Единственное, что передаётся от ярла к ярлу, это подчинение зверей. В боевых действиях от этого толку мало, поэтому в Форлэнде не особо интересуются магической силой врагов. Я помню только один факт: чем дальше от Виндхейма, тем слабее связь ярла и его дикого спутника. Поэтому меня не удивило, что у Дейрона при себе нет зверя — я даже не знаю, кто это.

И вот теперь мне повсюду мерещится рычание и тяжёлые прыжки когтистых лап.

— Осторожней, принцесса, не подверни ноги.

Голос Дейрона раздаётся справа, и я тут же кидаюсь влево, цепляюсь носком сапога за торчащий корень и чуть не лечу на землю. Едва успеваю ухватиться за ветки, чтобы выровняться и продолжить бег. Он совсем рядом, преследует меня, как добычу, загоняя всё дальше в чащу.

Небольшой уклон, по которому я несусь, уже кажется не таким уж и небольшим. Всё чаще приходится цепляться за деревья, ноги двигаются всё медленнее. Я задыхаюсь, пальцы болят от того, как судорожно я впиваюсь в шершавую кору.

— Не надоело, принцесса?

Дейрон выходит из-за дерева впереди так резко, что я не успеваю свернуть. Врезаюсь ему в грудь со всей силы. От удара выбивает остатки дыхания, и я лечу в траву. Пытаюсь перевернуться на живот, чтобы отползти подальше, но тяжёлое тело придавливает мои бёдра к земле.

Дейрон сидит на мне, огромный, как скала. Руки оказываются прижаты над головой его мощным ладонями. Я верчусь змеёй, но бестолку: проще сдвинуть гору.

— Для аристократки у тебя неплохая физическая подготовка, — хрипло шепчет Дейрон, наклоняясь.

Он хищно ухмыляется на все мои попытки освободиться. А когда я пытаюсь ударить его лбом, ещё крепче стискивает мои запястья. Он даже не использует силу ошейника. От осознания того, что он просто играет со мной, хочется истерически смеяться.

Дейрон прижимает меня к земле всем весом, хищник, готовый растерзать добычу. Сердце чуть не выпрыгивает из груди, когда его взгляд задерживается на моих приоткрытых губах.

Я тяжело дышу, но уже не только из-за бега. Странное ощущение жара охватывает меня, когда Дейрон чуть отодвигается, спускаясь взглядом по моей шее к распахнутому декольте. Рубашка предательски задралась, обнажив живот, а пуговицы на груди я потеряла, когда в первый раз врезалась в дерево. Я вся во власти Дейрона.

Вспоминаю его жёсткий поцелуй, и тело будто кипятком ошпаривают. Что за дурацкие мысли! Прикусываю губу до крови, чтобы вернуть себе разум, дёргаюсь в его руках — и тихий полувсхлип-полустон вырывается из горла, когда его бёдра придавливают к земле ещё сильнее.

Дейрон снова наклоняется, зарывается лицом в мои растрёпанные волосы. Его губы скользят вверх по шее, и в ответ на это простое действие я чувствую, как напрягаются соски, а в низу живота томительно тянет. Нет-нет-нет, откуда это во мне?

— Так ты любишь играть в догонялки? — шепчет Дейрон.

Я кусаю губы, пытаюсь дёрнуться, но вместо этого лишь теснее прижимаюсь к его бёдрам. Боги, я сошла с ума.

От него исходит терпкий запах костра с тягучими смолистыми нотами. Я вдыхаю его снова и снова, пока голова не начинает кружиться. Я будто разом выпила пару бокалов вина, и теперь контроль над собственным телом стремится к нулю.

Дейрон прижимается к моей груди. От него исходит жар, как от печки, и моё обезумевшее тело жаждет ощутить этот жар в себе. Впервые в жизни я ощущаю всё значение фразы «гореть от страсти».

Губы Дейрона снова скользят по моей шее. Он шумно вдыхает мой запах, большим пальцем с нажимом массирует мою ладонь. Я впиваюсь ногтями в кисти его рук, но не чтобы вырваться или драться. Я цепляюсь за них, как сорвавшийся в пропасть хватается за брошенный канат.

Дейрон прихватывает зубами мочку уха, вырывая из меня порочный громкий стон.

— К каким неожиданным открытиям может привести короткая ночная прогулка, — тихо говорит он.

Бедром чувствую твёрдый член Дейрона. Он распалён не меньше меня, горячее дыхание обжигает шею. Он двигает бёдрами, и я пытаюсь отодвинуться, но вместо этого прогибаюсь ему навстречу.

— Что бы сказал король Форлэнда, узнав, как его дочь трётся о мой член? — с издёвкой спрашивает Дейрон, двигаясь ещё раз.

Я готова разрыдаться от предательства собственного тела. Я должна кусаться, дёргаться и царапаться от страха быть изнасилованной. Вместо этого чувствую, как между ног становится влажно, а горло пересохло уже не от бега.

— Гори в пекле, чудовище, — отвечаю хрипло, но Дейрон лишь смеётся.

— Эта была прекрасная прогулка, ваше высочество, — говорит он. — Но пора возвращаться.

Ошейник сжимается так сильно, что я сиплю, пытаясь сделать вдох. Резкая боль прошивает виски. Я протестующе дёргаюсь, но приказ Дейрона эхом отдаётся в голове: «Спи», — и я теряю сознание.

Глава 8. Дейрон

Голова Амелии лежит на моём плече. Приказ через ошейник подействовал странно: принцесса провалилась в обморок, такой глубокий, что не реагировала ни на то, как я подбирал её с земли, ни на покачивание в моих руках. Она выглядит мёртвой, и только еле заметное дыхание поднимает её грудь. Проклятая соларская магия.

Я возвращаюсь в лагерь. В попытке скрыться принцесса завела нас в самую глушь. Можно было остановить её ещё у костра, но мне было интересно, как далеко она зайдёт.

Любопытство никогда до добра не доводит.

Я хотел проверить, попытается ли Амелия сбежать. Я хотел преподать ей урок. Последнее, чего я ждал, это азарта погони, залившего мои вены. Я гнался за ней, как хищник преследует добычу, и наслаждение этой игрой, ставки в которой слишком высоки, всё ещё бурлит во мне.

Амелия интригует, её реакции нетипичны для принцессы, какой она представлялась в моём воображении.

Заставляю себя сосредоточиться на тропе, а не на слишком спокойном лице принцессы на моём плече. Мышцы гудят от бега и короткой схватки, ладони жжёт воспоминание о её тонких запястьях. Я не должен испытывать возбуждение от извивающегося тела под собой. Она пленница, трофей и только. Я считал себя выше того скота, что насилует и грабит в захваченных деревнях, но эта ночь поставила все мои установки под сомнение.

Деревья расступаются, и я выношу Амелию к костру. Оставшиеся в лагере солдаты не спят: Тейт чистит лошадей, остальных нигде не видно. Я осторожно опускаю принцессу на спальник.

Тейт кидает на неё любопытный взгляд. Хлопнув по крупу лошадь, он свистом подзывает следующую.

— Где Ботвид и Алгот? — спрашиваю у парня, а сам оглядываю стоянку.

Следов борьбы нет, костёр еле тлеет, лошади тоже спокойны, но меня не покидает ощущение неправильности.

— Они пошли за водой и деревом для костра, — беспечно отвечает Тейт.

Я снова и снова ищу намёк на обращение, но он ведёт себя совершенно естественно. И это начинает злить.

Наверное, дело в погоне по лесу. Я позволил себе увлечься, хотя обязан сохранять рассудок в спокойствии, поэтому сейчас каждая мышца тела напрягается, реагируя на неясную угрозу.

— Твоя лошадь готова, — довольно улыбается Тейт, откидывая липнущую ко лбу прядь. — Я могу ещё что-то сделать?

Треск веток за нашими спинами звучит как гром. Мы оба вглядываемся в строй деревьев с чёрными пятнами кустарников под ними. На краткий миг я касаюсь разума Зверя — он далеко, идёт по следу, который его чем-то заинтересовал. Значит, либо это возвращаются Ботвид с Алготом, либо кто-то другой прячется в густом подлеске.

Звук взведённого курка я не перепутаю ни с чем даже во сне. Не успеваю принять решение, а рука уже скользит к кобуре.

— Не надо. — Тейт звучит спокойно, даже расслабленно. — Делай, что скажу, и я отпущу тебя.

И всё-таки надо было пристрелить парня в замке, прямо перед Салимом. Я проверил Тейта, но недооценил искусство вивиманта, подчинившего его тело.

— Повернись.

Медленно, подняв руки и демонстрируя парню пустые ладони, я разворачиваюсь на месте. Револьвер целится мне в лицо, но я не смотрю на оружие: я смотрю на Тейта. Никаких разительных перемен не случилось, он по-прежнему улыбается, только в глубине глаз появляется лихорадочный блеск. Возможно, это блики догорающего костра.

— Где остальные? — негромко спрашиваю я. — Ты убил их?

— Зачем мне это делать?

Взгляд Тейта полон настолько искреннего удивления, что на секунду мне кажется — это я схожу с ума. Дуло револьвера указывает на Амелию, и Тейт продолжает:

— Привяжи её к лошади и отойди.

Я осторожно поворачиваюсь. Плечи сводит от сдерживаемого броска. Мозг просчитывает варианты, один гаже другого. Нельзя позволить ему увезти Амелию. Нельзя дать её убить. И разбудить её — тоже плохая идея.

— Кто отдал тебе приказ? — спрашиваю, опускаясь на колени перед принцессой.

За голенищем правого сапога спрятан нож, но нужно заставить Тейта приблизиться.

— Я выполняю только твои приказы, Дейрон, ты же знаешь.

Я застываю. Рука опирается на холодную землю рядом с сапогом.

— И что же я тебе приказал?

Слышу, как Тейт неуверенно переминается с ноги на ногу.

— Увезти принцессу подальше, чтобы её не похитили, — наконец выдавливает он, впервые в его голосе проскальзывает неуверенность.

— Теперь я приказываю тебе оставить её.

Тейт дёргается. Краем глаза замечаю, что он опускает револьвер, и тот трясётся в его руке.

— Но как же… Я должен…

— Оставь принцессу.

Парень часто дышит. Уж не знаю, можно ли сопротивляться вивимантии, но проверять не хочу.

Клинок выскальзывает из ножен. Я переворачиваю руку кистью вперёд. Плавно поднимаюсь на ноги, шагаю назад. Тейт удивлённо поднимает брови — он даже не понял, как я оказался рядом. Парень чуть ниже ростом, но мы всё равно встречаемся взглядами. Его затопляет паника: Тейт начинает поднимать револьвер, и я вижу, как он борется сам с собой, в ужасе глядя на оружие.

Я перехватываю его запястье свободной рукой. Одно движение, и парень сгибается вперёд. Револьвер с глухим стуком падает на землю, а я, усиливая захват, шагаю вплотную.

Тейт давится беззвучным криком, когда нож по самую рукоять входит в тело. Направленный снизу вверх, клинок пронзает лёгкие и достигает сердца. Ещё несколько мучительных мгновений парень пытается вдохнуть, разевая рот. Но вот его взгляд останавливается, губы окрашиваются чёрным, и густая кровь течёт по подбородку, капает мне на куртку.

Говорят, вивиманты не отпускают своих жертв, пока не коснутся их снова. Но одного прикосновения мало: маг должен захотеть освободить свою марионетку. Никогда не слышал, чтобы соларцы проявляли подобное милосердие, а моё колебание могло стоить слишком дорого.

И всё же… Я всё ещё вижу перед собой мальчишку, которого когда-то встретил в Хьярте. Тейт прибыл в столицу в день, когда мы с Мэлкером возвращались из очередной вылазки к границам Форлэнда. Я помню, какими восторженными глазами он смотрел на нас, как упрашивал взять в отряд. Я отказался: не было ни времени, ни желания возиться с пятнадцатилетним юнцом.

Парень вырос, доказал, что может быть мне полезен, и я рискнул взять его с собой. Все знали, что мы можем не вернуться, я никогда этого не скрывал. Все знали, как опасны соларцы, что нужно держаться настороже. Тейт подставился сам и подставил меня.

Пальцы сжимаются на рукояти ножа. Я подвёл того восторженного пятнадцатилетнего мальчишку. Не уберёг от опасности.

Утаскивать остывающее тело подальше от лагеря я не рискую: не хочу оставлять Амелию даже на минуту. Просто укладываю Тейта на землю, прикрываю распахнутые глаза мягким прикосновением ладони.

Сердце снова учащённо бьётся, но не от короткой стычки с обращённым. Это вдруг передаётся азарт Зверя, загоняющего соларского шпиона.

Выдёргиваю нож, обтираю клинок о сухую траву — а перед глазами мелькает калейдоскоп картинок. Человек в тёмной одежде несётся через лес. Он что-то ищет, куда-то стремится, но знает: его время вышло. Зверь настигает и валит его на землю, хрустят кости. Крик взрывает лес, а потом острые клыки смыкаются на хрупкой человеческой шее.

Я встаю, всматриваясь в черноту леса. Тишину ночи нарушает лишь ветер, играющий голыми ветками. Зверь слишком далеко.

Когда к костру возвращаются Ботвид с Алготом, я уже сижу рядом с Амелией. Тело Тейта бесформенной кучей валяется на другой стороне стоянки. Изумлённое молчание прерывается их обескураженными оправданиями.

— Он передал твой приказ заново развести костёр и приготовить еду, — оправдывается Ботвид. — Что произошло?

— Соларцы подчинили его, чтобы украсть принцессу, — тихо говорю я.

Алгот бормочет проклятья. Ботвид хмурится, сжимает руки в кулаки.

— Нужно уходить, — продолжаю я. — И закопайте его поглубже. Всё-таки он был нашим братом.

Глава 9. Амелия

Дейрон позволяет мне очнуться только у костра. Я дёргаюсь, как от удара, открываю глаза и морщусь от яркого света пламени. Виндхеймцы больше не притворяются, что спят. На меня никто не смотрит, все заняты сборами: небо на востоке уже сереет.

Их осталось трое. Самый молодой – Тейт – пропал. Дрожа от холода, я запахиваю на груди разорванную рубашку, ладонями стираю с лица остатки мерзкого магического сна. Оглядываюсь – и замираю. В пляшущих языках пламени видно тёмное грязное пятно. Кровь. Что здесь произошло, пока я была без сознания?

Тягостное молчание сопровождает сборы виндхеймцев, и я не решаюсь лезть с расспросами. Украдкой гляжу на Дейрона, пока растираю синяки на запястьях, оставленные его руками. Ярл ещё более мрачен, чем обычно, фигура полна напряжения, словно он готовится к нападению неизвестного врага.

Дейрон бросает на меня тяжёлый взгляд, и я тут же отворачиваюсь. Пытаюсь понять, что делал со мной этот монстр, пока я была без сознания. Во рту привкус крови: видимо, я прикусила губу сильнее, чем казалось. Запястья под браслетами саднят от хватки Дейрона, рёбра побаливают от удара об землю. Безумие, охватившее тело, схлынуло, но я чувствую себя ещё гаже, когда вспоминаю каждый стон, каждое движение бёдер.

Зажмуриваюсь от отвращения к себе. Никогда я так себя не вела — а могла бы. Отец не хотел отпускать меня в Академию в первую очередь из-за неподобающего принцессе окружения, а во вторую — из-за свободных нравов среди студентов. За свои двадцать два года я целовалась пять раз, и это включая грубую манипуляцию Дейрона, которую и поцелуем-то не назвать.

Я хотела учиться магии. Никакие приглашённые учителя не могут дать той практики, которую получаешь на занятиях вместе с десятками других студентов. Я добилась поступления очень некрасивым способом, породившим волну слухов о моей распущенности, но на самом деле отношения с парнями и следующий за ними секс волновали меня крайне мало.

Всю жизнь я готовилась выйти замуж по политическим причинам. Я не противилась этому: в отличие от многих, я хотя бы имела право голоса. Уважение — вот и всё, что я хотела от брака.

И потому реакция собственного тела повергла меня в шок.

Я могу вспомнить каждый из своих поцелуев. Мне было интересно, о чём с таким придыханием шепчутся другие девушки, краснея лишь от одного появления молодых людей рядом. Оказалось, разговоры куда ярче реальности. Каждый раз это было неловко, неумело и вызывало лишь одно желание: закончить непонятные лобызания и сбежать.

С Дейроном всё совсем по-другому.

— Поднимайся.

А вот и он. Возник за спиной, как тень. Я сдерживаю первый порыв отползти подальше и гордо вскидываю голову. Сейчас он точно меня свяжет, и весь оставшийся путь я проделаю в ещё более унизительном положении. Надо держать лицо, но как это сделать, когда от воспоминаний горят щёки?

Дейрон, не говоря ни слова, поднимает меня в седло. Когда он, как обычно, садится позади, я вся напрягаюсь. Под расстёгнутую куртку забирается по-осеннему холодный ветер, а от Дейрона исходит приятное тепло. Я пытаюсь отодвинуться — насколько это возможно, — но он жёсткой рукой прижимает меня к себе.

Невыносимо хочется спать: ночная пробежка отняла последние силы, а о финале я старательно не вспоминаю. Виндхеймцы едут шагом, и я вполне могла бы подремать, если прислониться к Дейрону спиной.

Нет, нельзя позволить себе такую слабость.

— И на что ты рассчитываешь? — негромко спрашиваю я, надеясь, что разговор отгонит подступающую дрёму. — Когда привезёшь меня своему королю?

Дейрон долго молчит, прежде чем ответить.

— У нас нет королей, принцесса. Великий ярл лишь первый среди равных.

Я презрительно фыркаю. Историю Виндхейма мне преподавали с не меньшей строгостью, чем историю родины — надо хорошо знать врага, война с которым то затихает, то разгорается последние пять веков. Поэтому я в курсе, что титул великого ярла не передаётся по наследству, а избирается сеймом. Двести лет назад великим ярлом выбрали старика семидесяти лет, с расчётом на его быструю кончину, а он правил четверть века. Вот только мне не до исторических дебатов.

— Вы можете называть это как хотите, суть не меняется, — с вызовом говорю я. — Теодор Вечный принимает решения за всех, а значит титул короля вполне ему подходит. Если он думает, что за мою жизнь отец с лёгкостью отдаст земли Гримдалора, то он ошибается.

Обычно я так себя не веду: меня учили с уважением относится к чужим культурам. Но недели плена дают о себе знать. Я не хочу быть вежливой с тем, кто выкрал меня, как кусок мяса, а потом ещё и издевался, гоняя по лесу, будто животное.

— Эти земли и так наши, несмотря на то, что вы развращаете их столько веков, — спокойно отвечает Дейрон, не поддавшись на провокацию. — Вы не знаете их цены. Взрываете священные горы ради добычи металлов, не понимая силы, таящейся внутри.

— Мы делаем из этих металлов оружие, которым пользуетесь даже вы, — яростно возражаю я. — Так может это вы что-то не понимаете?

— Неужели твоё главное оружие — револьвер? — тихо спрашивает Дейрон. — Мне казалось, ты больше всего страдаешь от отсутствия магии, которую чувствуешь, но которой не можешь воспользоваться.

Щёки вспыхивают алым, когда его дыхание щекочет мне ухо. Будто почувствовав моё смущение, Дейрон прижимает меня ещё крепче. Его ладонь проникает под куртку, ложится на талию, обжигая жаром. Большим пальцем он через рубашку поглаживает мои рёбра. По телу бегут мурашки. Приходится сдерживаться, чтобы не выдать вдруг участившееся дыхание.

— Теодор рассчитывал хорошенько поторговаться за твою жизнь, — продолжает говорить Дейрон, будто ничего не происходит. — Король Форлэнда наверняка станет более сговорчивым, если мы пришлём ему какой-нибудь сувенир от дочери.

Пальцы Дейрона до боли впиваются мне в бок. Он просто хочет меня запугать. Это всего лишь угрозы. Я слишком ценная пленница, чтобы посылать меня отцу по частям. Кручу эти мысли снова и снова, пока Дейрон чередует болезненные прикосновения с поглаживаниями.

— Ты не посмеешь, — выдавливаю еле слышно.

— Уверена? — Дейрон откровенно смеётся над моим страхом.

Заставляю себя думать рационально.

— От моей смерти тебе ничего не выиграть: ваш король заплатил за мою жизнь, иначе соларцы не стали бы тащить меня через полмира. Если же ты меня покалечишь, отец выкурит вас из фьордов, как крыс, — говорю со злой уверенностью.

— И что же он не сделал этого раньше? — Дейрон прижимается губами к моему уху и шепчет так тихо, что у меня волосы на затылке шевелятся. — Поверь, принцесса, никакие угрозы меня не остановят, если я захочу с тобой поразвлечься. Ты полностью в моей власти, и только от моего желания зависит, будешь ты кричать от боли или от удовольствия.

Его пальцы скользят вниз по животу до пояса брюк, и я впиваюсь в его руку, останавливая их. Впрочем, всего на секунду. Он с лёгкостью преодолевает моё сопротивление, нарочито медленно вытаскивает край рубашки и поглаживает гладкую кожу над ремнём.

Задыхаюсь от бурлящей в крови смеси опасности и предвкушения. Боги, кажется я сошла с ума, если представляю, как пальцы Дейрона спускаются ниже между моих ног — и это не вызывает ужаса. Какой стыд.

— Я скорее умру, чем позволю притронуться к себе, — огрызаюсь из последних сил, понимая, как слабо звучу, когда в тайне мечтаю о его ласках.

Дейрон усмехается.

— Всего несколько ночей назад ты готова была отдаться почти без сопротивления, — напоминает он с издёвкой. — А каких-то пару часов назад стонала подо мной, как…

— Замолчи! — Я зажмуриваюсь и закрываю уши руками. — Ты, проклятый монстр! Ублюдок! Насильник!

Ошейник сжимается, затыкая меня не хуже кляпа. Пальцы Дейрона хватают меня за челюсть, заставляют повернуться и взглянуть ему в глаза.

— На твоё счастье, принцесса, я не насилую женщин, — глухо говорит он. — Я подожду, пока ты попросишь сама.

Я вырываюсь — и, удивительно, с успехом. Ошейник отпускает меня одновременно с Дейроном.

— Никогда! — с ненавистью бросаю ему в лицо.

Унизительно понимать, что лишь по его желанию я вообще могу разговаривать. В отчаянии я плюю ему в лицо, как необразованная базарная торговка, ожидая пощёчины в ответ. Но Дейрон, криво усмехнувшись, спокойно вытирает щёку.

— В мире нет ничего вечного, — говорит он. — Короли умирают, принцессы становятся рабынями, а «нет» превращается в «да» так же быстро, как ветер меняет направление. Я подожду, принцесса. Я умею ждать.

Глава 10. Дейрон

Я всё ещё вижу Тейта, когда принцесса пытается демонстрировать характер. Запугивать пленниц — низко и отвратительно, но сейчас мне хочется лишь одного: чтобы Амелия умолкла и перестала доставлять проблемы.

Угроза действует на неё отрезвляюще. Принцесса прикусывает губу, я чувствую дрожь, проходящую по её спине. Она хочет казаться сильной, но я вижу, как Амелия сжимается под моими руками, как противится даже мысли опереться на меня и уснуть.

Принцесса думает, что её похищение лишь попытка выторговать земли, но всё куда серьёзнее. На миг прикидываю сказать правду, но быстро отбрасываю эту идею. Страх держит так же крепко, как и соларский ошейник, и мне нужно, чтобы она боялась. Но загнанный в угол зверь становится очень опасным, даже если это простая домашняя кошка. Я не собираюсь давать ей новый повод для побега.

Погоня по лесу приносит плоды: весь следующий день принцесса тиха и молчалива. Когда мы прибываем в очередную деревню, чтобы дождаться Мэлкера, Амелия забивается в отведённый ей угол, беспрекословно ест свою порцию супа и молчит. Просто образец послушания.

Это и настораживает.

Мэлкер появляется поздно ночью, когда Алгот и Ботвид уже спят. Амелия тоже — или просто умело притворяется.

— Где Тейт? — спрашивает Мэлкер с порога. — Опять вынюхивает сплетни?

Я открываю дверь, и мы выходим во двор. Кратко пересказываю произошедшее на привале, опустив подробности побега принцессы.

Мэлкер долго молчит. Его взгляд прикован к тонущим в предрассветной дымке горам.

— Поганые твари, — цедит он сквозь сомкнутые зубы. — Честь, кодекс, как же. Все слова соларцев ложь.

Я приваливаюсь к дверном косяку, скрещиваю руки на груди.

— Мы знали, что это будет непросто.

Лицо Мэлкера кривится от злости. Он кидает взгляд на дверь позади меня, словно намереваясь прожечь в ней дыру.

— Это всё из-за неё. Надо было убить её за воротами Мираза, — с ненавистью выплёвывает он.

Я не двигаюсь с места, только смотрю прямо на Мэлкера, из-за чего тот отступает на шаг.

— Это не месть, Мэлкер. Это вынужденная мера. Принцесса предстанет перед ярлами Виндхейма, прежде чем я заберу её жизнь, и это не обсуждается.

Мы молчим, только ветер приносит холодное дыхание гор. Наконец, Мэлкер поднимает голову, чтобы встретить мой взгляд.

— Помнишь, как мы мальчишками сбежали, чтобы сразиться с бандой разбойников, напавших на деревню при замке? — вдруг тихо спрашивает он.

Я коротко киваю. В тот день каждый из нас впервые убил человека. И в тот же день началась наша дружба. Мэлкер был младшим сыном кузнеца, и после той стычки мой отец взял его в замок. Мне было десять, Мэлкеру семь. Меня наказали, за ослушание и кражу меча, его наградили. Из соперника он стал мне другом.

У нас могут быть разные взгляды на способы достижения цели, но одно неизменно. Я убью ради него, а он — ради меня.

Вздох вырывается из груди Мэлкера, прежде чем он заканчивает.

— Как и в тот раз, ты всегда можешь на меня рассчитывать.

***

Я бужу Амелию перед самым выходом. Она безропотно умывается, забирает свой паек на день и так же молча забирается на лошадь. Какая хорошая девочка.

Следующие два дня мы останавливаемся в лесах вдали от дороги, под голыми ветками деревьев. Скоро мы достигнет границы с Либрией, и там, надеюсь, можно вернуть Зверя. Без его молчаливой поддержки рядом я чувствую себя неуютно.

Я заставляю Амелию спать рядом: только очередного побега мне не хватает.

По ночам принцесса дрожит, как осиновый лист. Стук зубов мешает — мне начинают мерещиться некрорабы, подкрадывающиеся из леса. Пришлось отдать Амелии своё одеяло, лишь бы она перестала трястись.

Ночи становятся всё холоднее. В Либрии уже выпал снег, и сегодня Мэлкер раздаёт тёплые плащи, готовясь к началу зимы. Он не глядя кидает Амелии свёрнутый куль с одеждой: принцесса едва успевает подставить руки. Деревянная тарелка опрокидывается, нетронутая похлебка выплескивается на землю. Мне не было бы до этого дела, если бы Амелия — и без того худая — не рисковала свалиться в обморок от недоедания.

Мэлкер презрительно поводит плечами, когда я наклоняюсь к котелку, зачерпываю новую порцию и направляюсь к принцессе. Она поднимает на меня усталый взгляд, долго смотрит на протянутую тарелку.

— Твой помощник — сама любезность, — вместо благодарности говорит она, забирая еду. — Можно подумать, я заставляла меня красть.

Я опускаюсь на соседний спальник, достаю револьвер на проверку: нужно сменить отсыревший порох. Без Зверя поблизости оставаться только с кинжалом и саблей я не рискую. Амелия наблюдает, не таясь. Она греет руки о бока плошки, потом начинает медленно есть.

— Мы можем хоть раз остановиться в нормальном месте? — продолжает Амелия. — Только не в лесу и не в лачуге. У тебя хватило золота заплатить работорговцам, но нет денег на постоялый двор?

— Не можешь без горячей воды и мягкой постели? — не могу удержаться от лёгкого сарказма в голосе.

Прищурившись, Амелия окидывает меня оценивающим взглядом.

— Да, не могу. Тебе бы тоже ванна не помешала.

Она говорит это с нескрываемым высокомерием, чем забавляет ещё больше.

— Как и тебе, принцесса. На следующей остановке можешь присоединиться.

Амелия вспыхивает до кончиков ушей. Она старается сохранять невозмутимость, но ложка в руках нервно постукивает о край тарелки. Кажется, я наяву вижу, как она пытается подобрать достаточно колкий ответ, не может и от этого краснеет ещё больше.

Наконец, Амелия отставляет тарелку в сторону, резко поднимается на ноги. Я со скрытым любопытством наблюдаю, как она складывает тёплые вещи на нагретое место, а потом проходит мимо меня в сторону кустов.

— Если горячая вода мне не светит, то хоть умоюсь ледяной без твоего присутствия, — бросает она, прежде чем скрыться в подлеске.

Мэлкер провожает её безразличным взглядом. Отправить его проследить за принцессой я не решаюсь. Его ненависть к ней слишком бросается в глаза, а принцесса за словом в карман не лезет. Как бы после этого умывания не пришлось ломать руку и ему.

— Алгот, присмотри за ней.

Тот кивает и тут же скрывается за деревьями. Остальные готовятся ко сну, проверяют оружие, Ботвид чистит котелок. Спокойствие леса убаюкивает — в этом и кроется опасность.

Ощущения Зверя, обычно похожие на отдалённый шум прибоя, обрушиваются цунами. Гнилостная вонь бьёт в ноздри.

Палая листва, ледяной ветер, хруст веток. И омерзительно-сладкий душок разложения.

Не помню, как оказываюсь на ногах. Одного взгляда на меня достаточно, чтобы остальные тоже повскакивали с мест.

— Некрорабы. Близко. — Я взвожу курок, кидаю Мэлкеру приказ: — Если придётся бежать, а меня не будет рядом, ты отвечаешь за принцессу.

Тот кивает без тени пренебрежения. Он единственный, на кого я могу положиться.

Мы разделяемся на группы, по двое углубляясь в лес с разных сторон. Вонь настолько сильна, что я не могу различить: видения это или некрорабы уже так близко. Я и Ботвид бежим напрямую к ручью, когда раздаётся первый выстрел.

Я продираюсь через кустарник, не заботясь о маскировке. Этих тварей не обмануть.

Проскользив по склону оврага, вырываюсь на берег ручья. Амелия выкарабкивается из воды, Алгот стоит над ней, его револьвер трясётся, когда он целится в кого-то на другом берегу. Тёмная фигура упрямо тащится вперёд, одна нога вывернута в лодыжке, из сломанной руки торчит кость, но мертвеца это не останавливает. Он продирается через колючки, которые цепляют лоскуты одежды и куски кожи с рук. Светлые волосы облеплены грязью, глаза подёрнуты белесой дымкой.

Я обхватываю Амелию за талию, рывком выдираю из каменного ложа ручья.

Прицелиться в ногу мертвеца. Выстрелить. Прицелиться во вторую. Выстрелить.

Некрораб падает, как срубленное дерево, раздаётся мерзкий хруст ломающейся конечности, но чужая воля заставляет его ползти вперёд. Я отталкиваю Амелию себе за спину, снова целюсь.

Алгот смотрит на ползущее к нему чудовище. Череда моих выстрелов заставляет его вздрогнуть. Только когда ко мне присоединяется Ботвид, он наконец сбрасывает остолбенение и поднимает револьвер.

Оживший мертвец ползёт прямо через ручей. Вода заливает ему в нос и рот, но не останавливает ни на миг. В Виндхейме селяне верят, что оживший мертвец не может переступить через текучую воду, однако этому она совсем не мешает. Гладкие камни выворачивает из русла, когда мертвец цепляется за них изломанными пальцами. Он ползёт к нам, не замечая застревающих в теле пуль.

Алгот целится непозволительно долго. Некрораб поднимает голову, смотрит на него мутными глазами. За моей спиной Амелия издаёт тихий всхлип, её пальцы впиваются в моё плечо с такой силой, что захоти я выдернуть руку, ничего бы не вышло.

— Алгот! — кричу я, приказывая ему очнуться.

Мой револьвер разряжен, и я выхватываю кинжал. Ботвид тоже выпустил все пули. Он бежит к товарищу с обнажённой сталью в руке.

— Алгот!

Пуля вонзается мертвецу между глаз, переворачивая тело на бок. Тот скребёт пальцами воздух, как жук, пытающийся перевернуться. Вторая пуля в сердце откидывает некрораба обратно в ручей. Ботвид подскакивает к мертвецу, двумя ударами отсекая голову от тела.

— Разрубите его на части и сожгите, — приказываю я, отступая назад.

Амелия всё ещё цепляется за меня. Она вздрагивает каждый раз, когда сталь вонзается в мертвую плоть. Я тащу её обратно к лагерю, но она не может оторвать взгляд расширившихся от ужаса глаз от картины позади.

– Это же… – задыхаясь, шепчет принцесса, когда я, не выдержав, сгребаю её в охапку. – Я помню его! Это же твой человек!

– Больше нет, – сухо прерываю её, ускоряя шаг. – Халле уже давно не человек. Забудь о нём.

Глава 11. Амелия

Дейрон ставит меня на ноги у костра. Никого из виндхеймцев рядом нет, только мы и лошади. Ярл тут же начинает собирать наши вещи: он явно не намерен ждать остальных. Меня всё ещё трясёт от пережитого. Последнее, чего я ожидала, когда спускалась к ручью, так это столкнуться с живым мертвецом. Он шёл, не таясь, и Алгот несколько раз предупреждающе приказал остановиться. Но я с самого начала знала, что это не просто раненый путник.

– Это ему ты сломал руку там, у работорговцев! – Я не успокоюсь, пока не пойму, что тут происходит. – Он должен был найти нас по дороге… уж не знаю по дороге куда, но…

Дейрон кидает мне в руки собранный мешок, который я снова не успеваю поймать. Он не даёт мне наклониться за ним. Оказавшись рядом, ярл хватает меня за локоть, заставляя взглянуть ему в лицо.

– Ты думала, у нас увеселительная прогулка? – негромко говорит он, и от издёвки в его голосе у меня мурашки бегут по рукам. – Ты очень ценная добыча, принцесса, и за тобой идёт охота. Но не надейся, я не выпущу тебя, даже если ради этого придётся пустить пулю в лоб каждому из моих людей.

– Ты чудовище… – У меня пересыхает во рту от такого неприкрытого цинизма. – Надеюсь, с тобой случится тоже самое.

Дейрон еле заметно улыбается. Когда я дёргаюсь, чтобы вырваться из его рук, он разжимает пальцы, и я, не удержавшись, приземляюсь на задницу.

– Считаешь, работорговцы будут лучшими хозяевами? – спрашивает он, наблюдая, как я поднимаюсь с земли. – Думаешь, они с почестями проводят тебя обратно к папочке?

Молчи, Амелия. Незачем вступать в пустую перебранку с тем, кто и за человека тебя не считает. Но ужас сменяется яростью, когда я вижу усмешку на его губах.

– Кто угодно лучше, чем ты, – выплёвываю в ответ.

Я иду к лошади, оставив Дейрона позади, втайне радуясь, что последнее слово осталось за мной. Но ещё не успеваю сесть в седло, как чувствую гнетущее присутствие ярла за спиной.

– Ошибаешься, принцесса, – продолжая улыбаться, говорит он и придерживает лошадь за повод. – Моли своих богов, чтобы тебе никогда не пришлось почувствовать эту разницу на себе.

Мы покидаем заброшенную стоянку. Всю ночь Дейрон подгоняет лошадь, не позволяя даже короткой остановки. Натянув капюшон чуть ли не на нос, я пытаюсь бороться со сном: не хочу оказываться спящей в кольце рук этого мужчины. Я не доверяю ему – ещё бы! Хуже того – я не доверяю себе. Но как бы я ни таращилась в ночную темень, побороть усталость это не помогает.

Трижды я проваливаюсь в дрёму и, вздрагивая, просыпаюсь. Трижды выпрямляюсь, отстраняюсь от Дейрона, насколько это возможно. Глаза не хотят открываться, но я заставляю себя открывать их пошире, лишь бы не уснуть окончательно.

На четвёртый раз ярлу надоедают мои дёрганья.

– Сиди ты спокойно, – раздражённо приказывает он, прижимая мою голову к своему плечу. – И спи, пока есть возможность.

Хочу срезать его едким замечанием, что ему бы тоже стоит отдохнуть, но едва я позволяю себе привалиться к нему, как тут же проваливаюсь в сон.

Открываю глаза, когда небо на востоке краснеет. Тело затекло в неудобном положении, а шея грозит вовсе отвалиться. Застонав, пытаюсь размять одеревеневшие плечи – и натыкаюсь взглядом на улыбку Дейрона.

– Как спалось, принцесса?

Он выглядит неприятно бодрым для человека, всю ночь проведшего в седле. Нахмурившись, отворачиваюсь, чтобы украдкой потереть заспанные глаза.

– Ненавижу тебя, – ворчу сквозь зубы, но Дейрон, конечно, всё слышит.

– Взаимно, принцесса. Взаимно.

Боги, как же хочется от него избавиться! Не будь на мне треклятого ошейника… Я невольно пробую нащупать магию, те нити, что проходят через ткань реальности, и которыми можно управлять. Ничего. Глухая стена вместо бьющей через тело энергии. Это уже не ранит, как в первые дни, когда я выла в темноте кареты, снова и снова пытаясь пробиться к своей силе. Часть меня словно отрезали острым клинком, но кровотечение остановилось, рана затянулась и больше не болит. И от этого становится по-настоящему страшно.

– Ты пожалеешь о моём похищении, – сдавленно шепчу в ответ.

Дейрон хмыкает, но молчит. Сидеть перед ним в кольце его рук одновременно тепло и отвратительно. Я должна сопротивляться, должна попытаться ещё раз сбежать. Вспоминаю белёсые глаза Халле и рот наполняется желчью. Если я наткнусь на некрорабов в лесу, без магии и оружия… Даже думать не хочу, чем это может закончиться.

Всю ночь мы плутали между глухих деревень, забираясь обратно в горы. От его спутников не было вестей – как и от преследовавших нас некрорабов. Может, оно и к лучшему. Вспоминаю карты, которые изучала в Академии, пытаюсь сообразить, куда мы едем. Похоже, нас ждёт переход из Соларии в Либрию – и уж там-то, вдали от некромантов, я скорее смогу сбежать, если мы с Дейроном останемся одни.

Ярл придерживает лошадь, и только сейчас я замечаю на дороге впереди какие-то тёмные фигуры. Нас нашли, но кто?

Переливчатый свист разносится в воздухе, и Дейрон пришпоривает лошадь. Я подавляю разочарованный вздох: нам навстречу направляется Мэлкер. На его хмуром лице застыли тёмные капельки. Кровь.

– Сколько их было? – Голос Дейрона сух и невыразителен, ничего общего с интонациями, которые появляются наедине.

– Около двух десятков, – Мэлкер тоже мрачен, его взгляд скользит мимо меня, но я кожей чувствую его неприязнь. – Мы всех уничтожили, но я не уверен, что следом не придут ещё.

Приближаются остальные всадники. Все выглядят устало, Алгот так же бледен. Похоже, они не спали, как и Дейрон. На долю секунды я восхищаюсь их стойкостью, но тут же понимаю: для меня это не значит ничего хорошего. Сложно сбежать от тех, кто может оставаться бодрым, несмотря на сутки без сна.

Всадники окружают нас с Дейроном. На меня никто не смотрит – и на том спасибо, я всё равно чувствую себя неуютно.

– Мы будем вдвое осторожнее, – твёрдо говорит Дейрон, обращаясь ко всем. – Охрану несём парами, костры не разводим и никаких отлучек от стоянки.

Последнее явно относится ко мне. Я прикусываю губу, чтобы не застонать в голос. Похоже, тёплая постель мне не светит до самого конца пути.

Глава 12. Амелия

Следующие дни проходят в тяжёлом молчании. Отряд действует, как один сплочённый организм: никто не задаёт вопросов, даже редкие шутки, что я слышала ранее, теперь исчезли. Каждый знает своё дело, словно мужчины всю жизнь готовились к такому походу. Наверняка так и было: даже боюсь представить, сколько битв они прошли вместе. Тейт выглядел самым молодым и самым неопытным, его я ещё могла обвести вокруг пальца, но с остальными это не пройдёт.

Я тоже веду себя осторожно. Ни с кем не разговариваю, ничего не спрашиваю и уж тем более ничего не требую. Покорно укладываюсь спать рядом с Дейроном, но всё равно так трясусь под одеялом, что он теперь каждую ночь накрывает меня ещё и своим.

Ему же холод приближающейся зимы будто ни по чём. Я замечаю, как беспрекословно подчиняются остальные – Дейрону не требуется повторять приказы дважды, я никогда не слышала, чтобы он повысил голос. И всё же его авторитет ощутим даже для меня.

На утро третьего дня нас ждёт переход через границу. За перевалом уже Либрия, и я приободряюсь. Наверняка новости о моём плене уже достигли королевских ушей. Меня захватили по пути в Либрию: отец пожелал наладить дипломатические отношения с королём Матеусом, а заодно я должна была присмотреться к наследному принцу. Ни один договор не скрепит соглашения лучше, чем брак. Вот только до Либрии я так и не добралась. Уверена, король Матеус пошлёт кого-нибудь отбить меня у виндхеймцев, чтобы сгладить дипломатический скандал.

Однако слова Дейрона о соларском плене неотступно преследуют мои мысли. Нет никакого желания проверять, что меня ждёт, если они добьются своего и перехватят меня прежде, чем это сделают либрийцы. Я уже пережила два нападения некрорабов, больше встречаться с ними не хочется.

Мы поднимаемся по разбитому тракту всё выше и выше. Горные вершины впереди покрыты белыми шапками, и я с ужасом представляю, что следующую ночь могу провести среди снегов.

Дорога пуста, лишь редкие путники на телегах тащутся нам навстречу. Дейрону даже не пришлось заставлять меня накинуть на голову капюшон: я и так закуталась в куртку, спрятав нос в воротник. Да и кто примет меня, грязную, с красными от холода щеками и колтуном вместо волос, за принцессу? Только тот, кто точно знает, кого искать.

Саму границу — две башни, делящие перевал напополам, — мы проходим легко. Мэлкер платит пошлину за проезд, и скучающие стражники пропускают нас в Либрию.

Ещё час мы едем в почти полном одиночестве. Снег подбирается совсем близко, и я морщусь от слепящего блеска. Вспоминаю карту Либрии, пытаюсь понять, через какой из перевалов мы едем, и как далеко может быть ближайший город.

Где-то в ветвях кричит птица, ей тут же отвечает ещё одна, и всё затихает.

— Ботвид, забери принцессу, — вдруг приказывает Дейрон.

Я выныриваю из своих мыслей, выпрямляюсь. Что-то не так, раз он впервые за весь путь отпускает меня. Приходится пересесть за спину к молодому виндхеймцу — спасибо, что не к Мэлкеру.

— Держись в стороне. Вы двое прикрывает их. Мэлкер, проследи, чтобы они добрались до места.

Дейрон раздаёт указы, и все тут же вооружаются. Щелкают затворы револьверов, кто-то проверяет, как ходят в ножнах сабли. Я изо всех сил вглядываюсь в лесок впереди, в котором исчезает дорога, но не вижу ничего подозрительного.

Мы пересекаем границу деревьев. Я так напряжена, что сводит пальцы рук. Время тянется мучительно медленно — и ничего не происходит. Похоже, Дейрон ошибся.

Позади нас валится дерево. Со всех сторон раздаются оглушающие выстрелы, и я вжимаюсь в спину своего спутника. Успеваю заметить людей в бурых одеждах, лица замотаны тряпками, лишь глаза блестят. На лошадиных сбруях никаких отличительных знаков. Они вылетают из подлеска с двух сторон и бросаются нам наперерез.

Мимо меня мелькает спина Дейрона. Он разряжает револьвер в лицо первого нападающего, уклоняется от удара саблей и стреляет во второго. Вокруг него тут же завязывается схватка.

Ботвид криком погоняет коня вперёд. Мы вырываемся из мешанины сражения, а позади бахают взрывы: у нападавших при себе оказались ручные снаряды, заряженные магией Пламенем.

Перебарывая страх свалиться на землю, я оглядываюсь. Вокруг Дейрона растёт количество павших. Серые камни дороги становятся чёрными от крови. Он сражается так яростно, что на него обращено всё внимание нападавших, пока, наконец, кто-то из них не замечает нашу уносящуюся прочь парочку.

От бешеного галопа сердце подскакивает к горлу. Я цепляюсь за куртку Ботвида изо всех сил, отчаянно пытаясь придумать, что делать. Моя смерть не выгодна никому, а значит нас будут преследовать, но не нападать. Разорвавшийся справа снаряд быстро доказывает обратное.

Нас осыпает каменными осколками, один задевает мой висок. По волосам бежит кровь, и я сдергиваю капюшон, чтобы показать платиновый цвет косы. Выстрел раздаётся прямо над нашими головами. Идиоты! Они хотят похитить меня у виндхеймцев или убить?!

Преследовали не останавливаются. Пули проносятся в опасной близости от нас и в конце концов заставляют Ботвида свернуть с дороги в лес. Они гонят нас куда-то, но куда?

Лошадь несётся вверх по склону, а мы оба едва успеваем пригибаться от хлещущих по лицу ветвей. Крики погони всё ближе — и вдруг позади гремит выстрел. Следом ещё один. И ещё.

Я оборачиваюсь .За нападавшими скачут двое виндхеймцев. Мэлкера не видно, но и искать его мне некогда. Завязывается короткая стычка, за время которой мы успеваем оторваться ещё на пару сотен метров. Но вот позади всё стихает, и Ботвид позволяет себе чуть успокоить лошадь.

Зря.

Мы выскакиваем из леса, и наперерез нам летит ещё один всадник. Пламенный снаряд разрывается прямо под копытами лошади. Оглушительный взрыв. Ослепляющая вспышка. Полный боли крик животного.

На миг я теряю сознание, а когда открываю глаза, то уже лежу на земле. Спина болит так, словно я повредила позвоночник. Лес и скалы впереди качаются. В ушах звенит. Я заставляю себя пошевелить пальцами рук и ног — и они откликаются, хоть и с большой неохотой.

Кое-как сажусь, чтобы осмотреться. Ботвид лежит рядом, руки неестественно вывернуты, лицо залито кровью. На лошадь я даже не смотрю: боюсь разреветься. Отползаю от погибшего из-за меня виндхеймца, цепляясь ногтями за скалистую почву. Проклятье, надо убираться отсюда.

Щелчок кнута над головой заставляет вжаться лицом в ледяной камень. Собрав всю смелость в кулак, я поднимаю взгляд на стоящего надо мной мужчину. Тёмная не примечательная одежда, закрытое шарфом лицо — и чёрные, будто ночь, глаза. Я замираю. Такие глаза — без белков, лишь серые блики пробегают по их поверхности — очень нехороший знак.

Некроманты не могут пользоваться своей силой днём, как и рейнфокские маги не могут призывать Пламя ночью. Каждая сила имеет ограничения, даже вивимантам для подчинения чужого тела нужно прикосновение. Но всегда найдутся те, кому мало их власти.

Я слышала о магах, которые приносят человеческие жертвы. Они называют себя Братством Богини. Это усиливает их — и вместе с тем сводит с ума. Даже соларский император объявил их вне закона, отдав приказ казнить любого без промедления. Раньше мне казалось, это не более чем предосторожностью — и устранением возможных бунтовщиков рядом с троном. Но сейчас… Боги, пошлите сюда Дейрона, прямо сейчас.

— Вы с ума сошли? — ещё хриплым после падения голосом спрашиваю я, стараясь не показывать страх. — Вы чуть не убили меня! Сомневаюсь, что глава гильдии хотел именно этого.

Незнакомец развязывает шарф. Он улыбается сияюще-белыми зубами на фоне смуглой кожи. Запомнить его невозможно: лицо ничем не примечательно, тёмные волосы падают на лоб. Таких соларцев каждый второй. Он присаживается передо мной на корточки, небрежно подцепляет узорчатый ошейник, подтягивая меня к себе, как собаку.

— Глава гильдии может и не хотел, но меня устроит и твой труп, принцесса.

Я с трудом сглатываю комок в пересохшем горле. Как мне нужна магия! Пытаюсь дотянуться до неё через ошейник — бесполезно. В голове будто невидимая стена: я чувствую силу, бурлящую в теле, но при малейшей попытке её поймать, натыкаюсь на преграду.

Незнакомец отпускает ошейник, встаёт. Он обшаривает взглядом опушку леса, из которого мы выехали, прислушивается к далёким звукам боя. Я тоже настораживаюсь. Не оставляет надежда, что Дейрон где-то поблизости. Вот уж не думала, что из двух похитителей я выберу Дикого зверя.

— Пошли.

Соларец даже не смотрит на меня. Развернувшись, он идёт к своей лошади, снимает с седла скрученную в кольцо верёвку. Этот со мной церемониться явно не станет. Нужно как-то его задержать.

— Не подождёшь дружков? — громко спрашиваю я, не делая и попытки встать на ноги. — Кажется, им досталось.

Соларец поворачивается ко мне. Его лицо перекашивает безумная улыбка. Кнут, который до этого висел на поясе, вдруг оказывается у него в руке. Я не успеваю испугаться, когда воздух свистит от удара.

Жгучая боль пронзает шею. Кнут оплетает горло, дёргает меня вперёд. Я задыхаюсь, впиваюсь ногтями в кожаный шнур, пытаясь ослабить давление. Это так же болезненно, как и хватка ошейника, но Дейрону я хотя бы нужна живой.

Кнут отпускает всего на миг, чтобы тут же хлестнуть над ухом. Закашливаясь, я падаю назад, готовясь к новому удару. Переворачиваюсь на живот, утыкаюсь лицом в холодную землю — и вдруг замечаю заряженный револьвер Ботвида, валяющийся всего в метре от моей руки.

Меткостью я никогда не отличалась, но попасть с двух шагов в тело должна. Собравшись с духом, ползу вперёд, когда меня нагоняет новый удар кнута.

Спина взрывается от боли. Кричу так, что дерёт горло, а из глаз брызжут слёзы. Жжение от удара не проходит, наоборот, оно нарастает с каждой новой секундой, словно с меня живую снимают кожу.

Револьвер совсем близко. Ещё одно усилие, и я смогу его взять, но руки трясутся, как в припадке.

Я должна. Ну же, Амелия, соберись.

Нового удара не следует. Вместо этого я вижу, как дёргается рука Ботвида. Он жив! Я выдыхаю от облегчения, позабыв про револьвер.

Пальцы виндхеймца сжимаются на камнях, рука подтягивает всё тело – но она по-прежнему выгнута под неестественным углом. Я забываю, как дышать.

Ботвид рывком переворачивается на живот, не обращая внимания на переломанные конечности. Я вижу его глаза – радужка подёрнута белесой дымкой. Крик застревает в горле, когда мертвец смотрит прямо на меня.

Милостивая Матерь, я не справлюсь с некромантом и его отродьем.

Револьвер в каком-то шаге от моей руки, но от мертвеца он не спасёт. Разрубить тело, сжечь останки – об этом нечего и думать. Пуля задержит его и только.

Новый удар хлыста над головой подстёгивает меня к последнему рывку – одновременно с мертвецом, по паучьи двинувшегося комне. Не думая, хватаю тяжёлое оружие, переворачиваюсь и, почти не целясь, нажимаю на курок.

Выстрел отдаётся в плечо. Я вою от боли в разорванной спине, прикусываю губу до крови. Если я не попала, мне точно конец.

Мертвец наваливается на меня, ледяные пальцы впиваются в горло над ошейником. Я трепыхаюсь, но силы стремительно покидают раненое тело. Глухой звериный рык проникает в горящий от боли разум. Я замечаю огромную тень. Свист кнута сменяет нечеловеческий крик – и мертвец тут же отпускает меня, бросившись к хозяину.

Как сквозь воду я слышу удар тела об землю, рычание и звук раздираемой плоти. Я не могу заставить себя подняться, не могу даже понять: это серое небо надо мной настоящее или я уже на пути к богам? Накатывает тяжёлая темнота между сном и обмороком, в которой я тону окончательно.

Глава 13. Дейрон

Последний нападавший валится в снег, окрашивая его чёрными пятнами, и я опускаю саблю. Разряженный револьвер в кобуре на поясе, но у меня нет времени засыпать порох заново. Сердце тяжело бьётся, дыхание со свистом вырывается из горла, когда я подгоняю лошадь пятками. Жар боя ещё бурлит в крови, не уступая нахлынувшим видениям Зверя.

Я думал, что нас снова встретят некрорабы – и просчитался. Ботвид увёз Амелию, а Мэлкер должен был прикрыть их побег. Вот только нас ждали не безвольные мёртвые куклы, а обученные солдаты.

Обрывки видений не дают сосредоточиться на дороге. Зверь зовёт меня, настойчиво, упрямо, но я усилием воли закрываю разум. Я должен увидеть всё своими глазами.

Мэлкер выскакивает уже на самой опушке. Рапира покрыта кровью, на скуле ссадина от каменного осколка. Он удачно разминулся со смертью, но сейчас я не могу этому радоваться.

– Я пытался догнать их, Дейрон, но не успел…

Мэлкер пришпоривает коня, чтобы сравняться со мною. Алгот держится позади нас, прикрывая спины: он единственный, кто остался в живых. Мэлкер продолжает оправдываться, но я коротко качаю головой.

Зубы сжимаются так сильно, что ноет челюсть. Сегодня я потерял слишком много людей, а впереди долгий переход через Либрию. Я обязан привезти принцессу в Виндхейм, иначе их смерти потеряют смысл.

Если будет кого везти.

Мы вырываемся из леса на скользкие от снега скалы. На них ещё видны следы копыт, и я заставляю лошадь ускориться. Небо заволокло серыми тяжёлыми тучами, редкие снежинки кружатся в воздухе: наступает буря. Нужно торопиться – и дело не только в буране.

– Дейрон!

Из-за скал наперерез нам выбирается Реймонд. Одна рука у него висит, как плеть, плащ пропитан кровью. Он должен был защищать Ботвида и принцессу, но тоже провалился.

– Туда! Она там!

Реймонд указывает выше по склон, и хоть мне и не нужно знать направление, я всё равно коротко киваю. Алгот отстаёт, чтобы помочь раненому, а мы с Мэлкером даже не замедляемся, продолжая понукать лошадей.

Сначала я вижу тёмное пятно, когда-то бывшее гнедым Ботвида. Камни вокруг залиты кровью, скалы вздыбились острыми гранями там, где ударил пламенный снаряд. Я слетаю с лошади, кидаю повод Мэлкеру, и медленно иду к месту сражения.

В разодранном теле я без труда узнаю Ботвида. Рядом с ним бесформенной кучей лежит ещё один труп. Голова мужчины – явно соларца – запрокинута назад, кровь из разорванного горла уже не течёт, рот навечно застыл в безмолвном крике.

Я переступаю через припорошенный снегом кнут, иду дальше, туда, где серые камни дышат магией.

Зверь поднимает голову. Её голубые глаза вспыхивают серебром, когда наши взгляды встречаются. Из пасти ирбиса вырывается короткое рычание, клыки белеют на фоне тёмной морды. Я подхожу ближе, уже зная, что обнаружу, и от этого мышцы напрягаются, словно готовясь к бою.

Махнув хвостом, ирбис осторожно поднимается, открывая тело принцессы. Опустившись на колени, я сначала оглядываю её, пытаясь найти раны. Серебряные пряди прилипли к грязном лбу, губы принцессы приоткрыты, но она не шевелится, когда я аккуратно убираю волосы с её лица.

– Амелия?

Голос звучит глухо и как-то незнакомо. Я приподнимаю её голову, укладываю себе на колени, нахожу пульс над ошейником – он еле различим, как и дыхание принцессы.

Ирбис тихо ворчит, носом поддевает её плечо, и я наконец замечаю кровь, тонкой плёнкой застывшую на камнях.

– Это был некромант, – говорит Мэлкер мне в спину. – Видимо, служитель Богини, иначе как он сумел днём обратить Ботвида в некораба?

Я не реагирую. Осторожно переворачиваю Амелию на бок, пальцы скользят по разорванной куртке. Проклятье…

Зверь укладывается рядом. Она мурлычет, как гигантская кошка, мокрый нос прижимается к боку Амелии.

– Ты права, Магна. Нужно торопиться.

Я перехватываю принцессу поудобнее, прежде чем встать – она даже не стонет, безвольно висит на моих руках.

– Помоги Алготу сжечь павших, – сухо говорю Мэлкеру, направляясь к лошади. – Не хватает только, чтобы наши братья поднялись рабами. Я отвезу Амелию в Лугос.

Мэлкер кивает. Он хмурится, явно хочет что-то сказать, но я прерываю любые возражения одной короткой фразой:

– Ты подвёл меня, Мэлкер. Больше я такого не допущу.

***

В Лугос – приграничный городок в пару тысяч душ населения – я въезжаю очень вовремя. Начинается буран, снег смешивает небо и землю в единый серый монолит, через который видно не дальше своей руки.

Я снимаю комнаты на окраине города. Хозяин гостевого дома недовольно провожает меня взглядом, когда я переношу закутанную в плащ Амелию наверх, но лишняя монета снимает все вопросы.

В спальне полумраке, даже несмотря на отдёрнутые шторы: снег валит стеной, кажется, что за окном замер туман. Бережно укладываю пленницу на бок на кровать, подперев её подушками. Вспоминаю, как Амелия требовала остановиться в тепле, и губы сама собой трогает лёгкая улыбка.

– Будем считать, ты своего добилась, – шепчу я, отходя от принцессы к окну.

Распахиваю створки, выпуская вместе с вихрем снежинок невидимую Магну. Ирбис проявляется, только когда все четыре лапы встают на деревянный пол. Отряхнувшись и обдав меня дождём из ледяных капель, она подходит к кровати, садится рядом и по-собачьи кладёт голову на край.

– Знаю, надо торопиться.

Я набираю горячей воды, раздираю одну из простыней на длинные тряпки. Мне не раз приходилось зашивать раны товарищей, но никогда ещё руки не были так напряжены, как сейчас, когда я кинжалом распарывал остатки куртки, прилипшие к спине Амелии.

Это отняло куда больше времени, чем я рассчитывал: каждые пару минут я прислушивался к прерывистому дыхание принцессы. Кнут рассёк одежду, забив рану грязью и волокнами ткани. Я потратил несколько часов на то, чтобы очистить её, обрабатывая рваные края вином, и к концу дня сам уже был без сил.

Самое трудное позади, теперь остаётся неплотно стянуть рану шёлковыми нитками и ждать. Магна тихо сопит, вытянувшись на полу вдоль кровати. Её присутствие успокаивает, напоминает о доме. И о цели, которую я поставил перед собой: принцесса должна умереть.

Амелия не просыпается, когда я протыкаю кожу длинной изогнутой иглой. Это даже к лучшему, не придётся обезболивать её настоями, но я всё равно действую очень медленно

и осторожно. Красная воспалённая кожа под руками горит – не сегодня, так завтра придёт лихорадка. Я не допущу, чтобы принцесса погибла.

Руки продолжают работу, а взгляд скользит по изящному изгибу спины. На рёбрах слева растекается чёрное пятно от удара об землю, чуть выше над лопаткой след от каменного осколка, прорезавшего куртку. Амелия пострадала от взрыва скал – это могло бы звучать иронично, не будь сейчас под моими ладонями её истерзанного тела.

Я должен её спасти. Я должен её убить. Это противоречие заставляет пальцы напрячься, и я на миг останавливаюсь, чтобы перевести дух.

Амелия тихо вздыхает. Она морщит лоб, что-то бормочет пересохшими губами. Я подношу губку, смоченную успокаивающим настоем, выжимаю его ей в рот. Подушка и край одеяла намокают, но иначе напоить принцессу невозможно.

Заканчиваю зашивать рану, накладываю на места ушибов компресс. Амелия снова тиха и неподвижна. Я сажусь на пол рядом с Магной, откидываю голову на край матраса.

Буран продолжает бросать в окна пригоршни снега. Мэлкер и Алгот наверняка уже сожгли павших. Реймонд тоже ранен, но он будет в порядке. Надо бы отправить Магну найти их, довести до города. Ирбис дёргает ухом, будто слышит мои мысли, и я успокаивающе кладу ладонь ей на голову.

Мэлкер возвращается ночью. Он находит меня по условному посланию, которое я оставил хозяину накануне. Я слышу, как они занимают соседние комнаты, но в гостиную не входят.

За это время я дважды обрабатывал рану Амелии. Прикладываю руку к её лбу и челюсть сводит от напряжения: принцесса пышет жаром, как железная печка. Закатав рукава рубашки, я усаживаюсь рядом, обтираю её горячее тело прохладной водой, делаю компрессы на запястья и лоб, проверяю, нет ли гноя в ране.

Я так сосредоточен, что не поворачиваюсь, даже когда Мэлкер заходит в спальню. Обнажённое тело Амелии светится на фоне скомканной постели, воспаленный красный шов горит уродливым напоминанием о нашем провале. О моём провале в первую очередь.

– Я найду доктора, – тихо говорит Мэлкер.

Только сейчас я поднимаю на него взгляд. Он выглядит устало, но я успеваю перехватить жёсткий презрительный взгляд, брошенный им на Амелию.

– Нет, – отрезаю я, поворачиваясь обратно к принцессе, накидываю простынь поверх жуткой раны. – И дверь за собой закрой.

Мэлкер переминается с ноги на ногу. Возможно, я несправедлив к нему: он никогда не делал Амелии зла, но мне не нравится, как он смотрит на неё, особенно сейчас.

– Ты должен кое-что знать… – наконец решается заговорить Мэлкер. – Принцесса…

Я вскидываю голову, встречаюсь с ним взглядом. Я толком не сплю всё это время, и выданное мне Зверем терпение стремительно тает.

– Уходи. Сейчас же.

Магна поднимает голову, оценивающе оглядывает Мэлкера. Она чутко реагирует на малейшие перемены в моём настроении, а друг слишком хорошо знает: если уж Зверь нервничает, то лучше убраться по хорошему.

Дверь закрывается, отрезая меня от остального мира. Сейчас важно только одно: Амелия должна жить. Если бы я мог отдать ей свои силы, то сделал бы это не задумываясь. Однако всё, что я сейчас могу, это сидеть над её телом и ждать.

Невыносимо чувствовать собственное бессилие. Я легко прикасаюсь к горячему лбу принцессы, убираю прилипшие пряди. Её глаза двигаются под сомкнутыми веками, будто в кошмарном сне. Прикладываю к виску холодную ткань и чувствую, как она стремительно нагревается.

Амелия неслышно шевелит губами. Её пальцы впиваются в одеяло, руки напрягаются – она будет хочет сесть, но тут же дёргается от боли, утыкаясь лицом в подушку. Я пересажива-

юсь ближе, чтобы суметь прижать принцессу к кровати: главное сохранить швы, не дать им разойтись. Ворочаться во сне ей точно не стоит.

Накрываю своей ладонью её пальцы, успокаивающе поглаживаю. Амелия всхлипывает – тихо и как-то очень жалобно. Я жду, что она начнёт звать во сне отца, снова попытается перевернуться или даже очнётся. Но принцесса впивается ногтями в мои пальцы и, выдохнув, замирает.

Она пострадала из-за меня. И дальше всё будет только хуже. Нужно отнять руку, вызвать врача, оставить её одну. Мне не должно быть дела до пленницы – не больше, чем до ценного груза, который надо доставить в целости. Я должен уйти.

Вместо этого я прикрываю её забинтованную спину простыней и ложусь рядом. Так я скорее пойму, если снова начнётся жар, для этого даже не надо держать её за руку.

Спокойное дыхание Амелии убаюкивает, и я прикрываю глаза, чтобы немного поспать. Моя рука по-прежнему сжимает её пальцы. Я обязательно отпущу их, потом, когда минует кризис. Обязательно отпущу.

Глава 14. Амелия

Когда я открываю глаза, то первое, что вижу — чистая постель. Не двигаясь, я прислушиваюсь к телу. Оно будто ничего не весит, и страх, что я всё-таки повредила позвоночник, заставляет рывком сесть на постели, осторожно ощупать спину. Кто-то обработал мои раны, зашил их и наложил повязки. Сколько же я была без сознания, если не помню этого?

Ошейник привычно холодит кожу. Как странно: раньше он ощущался инородным телом, мешающим дышать, глотать, говорить. Теперь же я почти его не замеча.

Скольжу пальцами по рубашке на груди, под которой прячутся бинты, ощупываю рёбра – и морщусь от боли. Здорово же мне досталось. Тело кажется чужим, подчиняется мне через силу. Вспоминаю свист кнута и невольно зажмуриваюсь. Надо проверить спину, но пальцы до боли стискивают ткань, и я никак не могу их разжать.

Ладно, сначала осмотрюсь. Глаза наконец-то привыкают к темноте, и сумерки в комнате становятся прозрачными. Обычная спальня, а в углу — роскошество! — просторная бадья, полная воды. Дни похода вдруг ощущаются бесконечной грязью. Как давно я не принимала ванну? Наверно, с неделю. Последний раз был в день, когда меня забрал Дейрон.

Я вспоминаю его суровый взгляд, чёрные волосы, падающие на лоб, грубые от оружия ладони. Надеюсь, с ним всё хорошо, и он не пострадал во время сражения.

Боги, о чём я думаю! Он мой пленитель. Из-за него я оказалась здесь, с трудом выжив после нападения некроманта. Вытаскиваю из памяти ненависть, пытаюсь разжечь её в сердце, но слабость оказывается сильнее.

Подумаю о Дейроне потом. Сейчас я хочу помыться — уже воротит от собственного запаха, да и голова чешется.

Вода в бадье ещё горячая, и я осторожно стаскиваю рубашку через голову. Одеревеневшие мышцы слушаются с трудом, но я не делаю себе поблажек. Медленно распутываю бинты, а потом, стиснув зубы, отлепляю их от спины. Сердце учащённо бьётся, когда я трогаю зашитую рану. Она длиннющая, от лопатки и до самой поясницы. Боюсь представить, как это выглядит.

Не носить мне больше платьев с открытой спиной: от такого удара наверняка останется шрам. И даже если удастся вернуться домой, напоминание о плене отпечатано на мне, как клеймо. Ошейник можно снять, но этот шрам останется со мной навсегда.

Я прикусываю губу. Не смей себя жалеть, Амелия. Это всего лишь след: некрасивый, болезненный, отдающий тяжёлыми воспоминаниями, но и только. Нельзя позволить себе раскиснуть из-за это, только не сейчас. Мне нужно быть сильной, ведь ничего ещё не закончилось. Не позволяю пролиться глупым слезам — спасибо, что жива! — выдыхаю и лезу в бадью.

Горячая вода обжигает. Я шиплю сквозь зубы от жжения в ране. Считаю до десяти и обратно, по одному расслабляя впившиеся в край ванны пальцы. Главное – не забывать дышать. Проходит несколько минут, прежде чем боль в ранах отступает. Вода уже не кажется такой горячей, и я осторожно погружаюсь в неё с головой.

Раньше, всего каких-то пару месяцев назад, я и представить не могла, что буду мыть волосы самостоятельно, без помощи служанок. Сейчас же, когда катаю в ладонях кусок ароматного мыла, это кажется почти наслаждением. С каждым движением тело всё легче двигается, к пальцам возвращается привычная ловкость. Я мою волосы несколько раз, прежде чем наконец-то чувствую чистоту.

Беру губку, чтобы отскрести грязь с тела, и чуть не роняю её: в соседней комнате хлопает дверь.

— Дейрон, ты не понимаешь… — Голос Мэлкера, звенящий от ярости, раздаётся так громко, что я съёживаюсь в воде. — Она убила Ботвида, я сам видел.

— Он подорвался вместе с лошадью, — раздражённо отвечает Дейрон, и от звука его голоса у меня мурашки бегут по спине. — Амелия пострадала из-за нашего промаха. Из-за моего промаха.

— Она заставила лошадь скакнуть в сторону, навстречу снаряду, — продолжает убеждать Мэлкер. — А потом, когда поняла, что за ней приехали не либрийцы, попыталась избавиться и от соларца.

Я прикусываю язык, чтобы не разразиться руганью. Не было такого! Сжимаю мочалку так сильно, что она рвётся под пальцами. К чему вообще этот разговор?

— Ты думаешь, она оставила попытки сбежать? — резко говорит Мэлкер. — Не глупи, Дейрон, она такая же гнилая интриганка, как и остальные форлэндцы.

Следует недолгая тишина, потом скрип деревянных ножек по полу, и Мэлкер вдруг хрипит, будто кто-то схватил его за горло.

— Тебе позволено так говорить лишь потому, что ты очень долго был моим другом, — глухо произносит Дейрон. — Не забывайся.

Мэлкер откашливается.

— Я лишь хочу помочь, — сипло выдыхает он.

Шаги в комнате без слов передают раздражение Дейрона. Забыв о мочалке, я прислушиваюсь, опасаясь пропустить даже одну фразу.

— И что ты предлагаешь? Мне нужно было позволить ей умереть от ран? — с ненавистью спрашивает Дейрон. — От неё не будет проку, если мы не доставим её в Виндхейм живой.

Внутренности скручивает в узел. Конечно, я пленница и никогда об этом не забывала: ошейник и браслеты красноречиво напоминают об этом каждую секунду после пробуждения. Но слова Дейрона неприятно колят в сердце.

— Не обязательно живой, — осторожно говорит Мэлкер после недолгого молчания. — Это я купил у соларцев. Нам нужна лишь её магия, и если поместить её в этот артефакт, будет куда проще вернуться домой.

Я дышу так часто, что голова кружится. Забрать мою магию? Но зачем? И как можно её изъять?

Вспоминаю соларца с чёрными провалами глаз. Если Братство это делает, то, похоже, может и кто-то другой. Я прикусываю губу. Человеческая жертва усиливает некромантов, но неужели ярлы тоже решили пойти на это безумие?

С тяжёлым сердцем жду ответа Дейрона.

— Мы не станем это делать, — наконец говорит он. — План был привезти Амелию в Виндхейм, и таким он и останется.

Повисает тишина. Позабытое мыло с бульканьем плюхается в воду. Не знаю, радоваться или тревожиться от слов Дейрона. Я думала, что он намерен торговаться за землю, но всё оказалось не так просто. Смываю остывшей водой липкую пену с плеча. Значит, расслабляться нельзя. Надо сбежать от Дейрона, чего бы мне это ни стоило.

— Мэлкер, подожди. — Шаги в комнате стихают, когда низкий голос Дейрона звучит снова. — Больше ошибок я не прощу. В моё отсутствие ты отвечаешь за неё головой. Если ещё раз решишь бросить Амелию, хорошо подумай, чего это будет стоить.

Дейрон не угрожает. Спокойно, будто речь о чём-то будничном, он предупреждает Мэлкера. Мне же хочется взвыть. Русоволосый виндхеймец и так меня не выносит, а теперь будет ненавидеть ещё больше.

От долгого сидения в остывшей воде я вся покрываюсь гусиной кожей. Ненавижу беспомощность! Я, которая всегда знала как и что делать, вынуждена сдаться на милость врага? Покорно ждать, пока меня привезут в Виндхейм, чтобы забрать магию?

Никогда.

Осторожно выбираюсь из ванны. Нужно всего-то добраться до местного мэра. Сказать проще, чем сделать, но я в таком отчаянии, что не могу думать рационально.

Закутавшись в пушистое полотенце, прячусь за дверью. Из оружия нахожу лишь увесистый кувшин — надеюсь, одного удара по затылку хватит. Конечно, Дейрон высокий, но моего нападения точно не ждёт. Уж как-нибудь допрыгну.

Руки подрагивают от слабости, приходится сжимать пальцы из последних сил. За дверью слышны тяжёлые шаги. Ручка медленно поворачивается, и Дейрон проходит в спальню.

Я делаю стремительный шаг вперёд, замахиваюсь — и чуть не роняю кувшин себе на ногу. Следом за ним в комнату входит огромная серая кошка с чёрными пятнами. Ирбис. Твою мать, как эту тварь пустили в гостиницу?!

Ирбис поворачивает голову в мою сторону и будто бы вопросительно мурлыкает. Боги, она же меня сожрёт!

— Уже уходишь, принцесса?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.